

Радуга завтрашнего дня

Автор:

Бертрис Смолл

Радуга завтрашнего дня

Бертрис Смолл

Наследие Скай О`Малли #5

Молодой Патрик Лесли, герцог Гленкирк, не желал связывать себя брачными узами – и союз со знатной шотландкой был подобен для него смертной казни... Гордая красавица Фланна Броуди презирала мужчин вообще – и будущего супруга в частности... Кто мог поверить, что эти двое самой судьбой предназначены для поистине великой любви? Никто! Ибо никто, кроме мужчины и женщины, не в силах проникнуть в тайну настоящей любви!..

Бертрис Смолл

Радуга завтрашнего дня

© Bertrice Small, 2002

© Перевод. Т.А. Перцева, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается Этану Элленбергу, моему агенту, Уолтеру Закариусу, моему издателю, а также Стивену Закариусу, который, возможно, способен сладкими словами заманить утку на сковороду.

Спасибо вам, джентльмены!

Пролог

Великобритания

1642–1650 годы

Летом года 1642-го от Рождества Христова король и парламент начали готовиться к войне, причем каждый собирал собственное войско. Над Англией сгущались тучи, и в любую минуту должна была разразиться гроза. Члены парламента желали, чтобы Карл Стюарт раздавал должности министров и высших государственных чиновников исключительно с их одобрения. Требовали полного контроля над армией. Намеревались реформировать английскую церковь, изгнать всех епископов и самим управлять всеми церковными делами. Желали участвовать в воспитании королевских отпрысков. И чтобы оправдать свои требования, приводили длинные цитаты из Библии. Но при этом, подобно большинству политиков, забывали одно из строжайших наставлений Иисуса Христа – «воздавать Богу Богово, а кесарю – кесарево». Совершенно ясное предупреждение роду человеческому о необходимости разделить дела церкви от государственных. Но парламент, искренне считавший, что лишь он один имеет право говорить от имени Господа, оставался глух к словам Сына Божьего.

Король, однако, твердо верил, что власть ему вручил прямо из рук в руки какой-то небесный клерк, и всеми силами цеплялся за право помазанника Божьего, доставшееся по наследству от предков: Стюартов и Тюдоров. К несчастью, члены парламента не менее твердо верили, что Создатель на их стороне. Согласись монарх на их требования, они стали бы единственной правящей силой в государстве. Как только гражданская, военная и религиозная власть,

подкрепленная немалым богатством некоторых членов палаты лордов, окажется у них, они будут править всей Англией! И если Карл Стюарт сложит оружие, наверняка окажется всего лишь бесполезным украшением, чем-то вроде покорной марионетки. Поэтому сама мысль об этом была нестерпима королю. Но ни одна из сторон не шла на компромисс.

В стране разгорелось пламя гражданской войны. В 1647 году, когда все было кончено, королеве с детьми удалось укрыться во Франции. Король оказался пленником – сначала парламента, потом «круглоголовых» Оливера Кромвеля. Он сумел бежать на остров Уайт, где попытался вести переговоры с парламентом и одновременно со своими союзниками в Шотландии. Обожая интриги, король также любил поторговаться. Находясь в относительной безопасности замка Кэрисбрук, он, словно паук в паутине, плел заговоры, занимался махинациями, строил планы. Тем временем шпионы приносили ему ободряющие вести о недовольстве народа парламентской армией, с каждым днем становившейся все наглее и бесчеловечнее.

Обрадованный кажущимися несогласием и распрями между врагами, Карл проводил обычную выжидательную политику и вел себя так, словно вся Англия по-прежнему находилась в железном королевском кулаке и под его личным контролем. Настала зима. Шотландцы послали в Кэрисбрук своих представителей. Они обещали, что их армия поднимется в поддержку Стюарта, если тот гарантирует, что последователей пресвитерианской церкви больше не будут преследовать, а в правительстве отныне будут заседать не только английские, но и шотландские аристократы. Парламент, неожиданно сообразив, что Карл ведет двойную игру, опасался, что помощь шотландцев приведет к возобновлению гражданской войны. Поэтому «умеренные» члены парламента обратились к шотландским пресвитерианцам с предложением союза. Тем временем король подписал опрометчивый договор с шотландцами. Разгневанный парламент проголосовал за низложение короля и отказался искать дальнейших соглашений. Однако по всей Англии росло недовольство – не монархом, а парламентом и его армией, правившими с неоправданной жестокостью. Теперь уже народ ополчился на парламент. Многие дворяне, ранее поддерживавшие реформы, выказывали явную неприязнь к узурпаторам.

В апреле Уэльс стал новым очагом мятежа. Король тем временем ухитрился скрепить союз между своими английскими сторонниками и шотландцами. И те и другие резко возражали против вмешательства военных в дела правительства. Началась вторая гражданская война, ознаменованная мелкими местными

восстаниями в Уэльсе и вторжением шотландцев в Англию.

Вскоре, однако, выяснилось, что король и его приверженцы недооценили своих противников. В самой Шотландии пришлось заключать отдельное соглашение между роялистами, пресвитерианцами и ковенантерами, то есть теми шотландцами, которые поддерживали ковенант, договор пуритан с англичанами, направленный на защиту кальвинизма и независимости Шотландии и подписанный в 1643 году. К тому времени, когда все было наконец улажено, уже наступил июль. Валлийские бунты были беспощадно подавлены. И если бы шотландские войска двигались быстрее, наверняка одержали бы блестящую победу, ибо в три раза превосходили англичан по численности. Но бездарные полководцы и плохое снабжение дали англичанам время собраться с силами. 17 августа 1648 года под городком Престон, что в графстве Ланкашир, разгорелась великая битва. Хорошо обученные английские войска буквально смели кавалерию и пехоту шотландцев и в непогоду, под проливным дождем, упорно преследовали их, пока обессиленный враг не сдался. В этот день Оливер Кромвель взял в плен десять тысяч солдат, и многих казнили по его приказу.

Возмущенные поведением Карла I, фанатики в правительстве и армии взяли власть над парламентом и немедленно изгнали тех, кто придерживался умеренных взглядов, а также разогнали всю палату лордов. Потом нагло потребовали притянуть короля к суду за мнимые преступления против английского народа. Карл Стюарт был объявлен виновным по всем пунктам и обезглавлен в тридцатый день января года 1649-го. Наследник английского трона, живший при дворе сестры, королевы Голландии, узнал о казни отца несколькими днями позже, когда управитель с почтительным поклоном обратился к нему «ваше величество». Второй Карл Стюарт немедленно разразился слезами и не мог успокоиться целую неделю. И немудрено: новому королю было всего восемнадцать лет. Однако шотландский парламент немедленно провозгласил его королем Шотландии. При всех симпатиях к Англии шотландским ковенантерам вовсе не понравилось известие о том, что король Шотландии и Англии был казнен без их разрешения. Они были готовы принять Стюарта на определенных условиях, ни одно из которых не подходило роялистам. Последовало почти полтора года препирательств. Карл II высадился в Шотландии 23 июня 1650 года, едва ускользнув от английского флота, посланного, чтобы захватить его в плен и привезти в Лондон, на казнь.

Задержка в его прибытии была вызвана нежеланием подписать национальный ковенант, то, на что отец так и не согласился. Ковенант, помимо всего прочего,

предполагал торжество пресвитерианской церкви по всей стране и запрет на все остальные, особенно англиканскую и католическую. Отменялась также церковная иерархия, епископы лишались сана. Король, сам прихожанин англиканской церкви, подписывал договор весьма неохотно, без всякого намерения выполнять его, о чем многие подозревали. Но если он хотел вновь завоевать Англию, ему требовались союзники и надежная база. И твердая власть над Англией. Поэтому он был готов на все, чтобы достичь цели.

Шотландский парламент славился упрямством и близорукостью, но члены его были отнюдь не глупы. И крепко держали в руках молодого английского короля. Дошли даже до того, что изгнали его духовников и ближайших друзей. Четверо священников-пресвитерианцев почти круглые сутки читали ему проповеди.

Только когда Оливер Кромвель имел глупость попытаться этой же осенью вторгнуться в Шотландию в попытке захватить одновременно власть над страной и короля, шотландский парламент собрал войско. Только тогда второй Карл Стюарт увидел крохотный лучик надежды.

Но, к сожалению, и он скоро погас. Молодого короля ждало жестокое разочарование.

Часть первая

Наследница Брей

Глава 1

Шотландия

Позднее лето и осень 1650 года

Сидя у огня, она вспоминала каждое слово, каждую фразу того спора.

– Ты совершенно рехнулся, старик! – напустилась герцогиня Гленкирк на мужа, с которым прожила в любви тридцать пять лет. Жасмин Лесли не помнила себя. Да что там говорить, она никогда в жизни так не злилась! Бирюзовые глаза сверкали негодованием. – Что общего у тебя со Стюартами, черт побери? Ушам своим не верю! Как ты мог решиться на такую авантюру?!

– Молодой король нуждается в помощи всех преданных шотландцев, – упрямо твердил герцог, хотя жена знала, как терзают его угрызения совести из-за происходящего в стране.

– Но мы даже не знаем короля, – возразила тогда Жасмин, пытаясь взять себя в руки. Подведя мужа к диванчику у камина, она села рядом с ним и любовно взъерошила снежно-белые волосы. – Джемми, будь же разумным! Прошло свыше тридцати лет с того времени, когда мы в последний раз были при английском дворе. Тогда еще правил король Яков. Повсюду был мир. Потом он умер, и с тех пор бедный Карл Стюарт не уставал делать одну ошибку за другой. Это он вверг не только Англию, но и Шотландию в бесплодную рознь. Сколько невинных жизней принесено в жертву в этой религиозной битве! Если бы все можно было уладить, их гибель была бы оправданна, но эта свара никогда не разрешится! Сторонники англиканской церкви тянут в свою сторону. Пресвитерианцы – в свою, и Боже спаси нас от фанатиков-ковенантеров! Пойми, тут не будет победителей. Не лучше ли следовать главному закону Лесли из Гленкирка: никогда ни во что не вмешивайся? Самое главное – сохранить клан. Ты отвечаешь за своих людей.

– Но парламент в Эдинбурге объявил Карла Второго королем Шотландии, – настаивал герцог.

– Ха! – фыркнула Жасмин. – Слушай, Джемми Лесли, можно подумать, ты плохо знал короля Якова! Сколько лет был рядом с ним? Считай, с самого своего рождения. Недаром его называли мудрейшим глупцом во всем христианском королевстве, ибо он был хитрым умным человеком, умевшим стравить своих врагов и тем самым обеспечить себе полную безопасность и спокойную жизнь. Его сын, покойный король Карл, которого мы не видели с той поры, когда он был еще совсем молодым и неопытным юнцом, тогда еще находился в тени своего старшего брата Генриха. Тот Карл был упрямым, надменным, исполненным сознания собственной значимости и абсолютно уверенным в своей правоте.

Именно он и обрушил на Англию гражданскую войну.

– Но и ковенантеры не пошли на компромисс, – напомнил жене Джеймс Лесли. – Чем они лучше короля?

– Согласна, – кивнула Жасмин, – но обязанностью короля было показать им путь к компромиссу, только он в своей гордыне ничего не желал знать. Право помазанника Божьего снова затмило в его глазах здравый смысл.

– Но ведь теперь над нами властвует совсем другой Карл Стюарт! – не уступал герцог.

– Да, старший сын Карла, чья мать – французская принцесса. Знаю, что после смерти герцога Бакингема между королем и женой воцарились мир и согласие. Их преданность друг другу прославилась по всей стране. Только, на беду, королева отнюдь не отличалась ни умом, ни сообразительностью. Этот Карл – дитя их любви. Весьма сомневаюсь в силе его характера и порядочности.

– Но почему? – удивился герцог.

– Потому что король подписал ковенант, хотя мы с тобой прекрасно понимаем, что ему и в голову не приходит следовать букве и духу этого постыдного документа, – откровенно заявила Жасмин. – Ему нужны союзники и поддержка в завоевании Англии, и он думает найти все это в Шотландии. Но ничего не выйдет. Не сейчас. И вряд ли когда-либо.

– А пока, – молвил герцог, – англичане готовятся ступить на священную землю Шотландии. Всех верных шотландцев призывают на битву за нашего короля и страну. Кровь Христова, Жасмин! Мои дальние родственники попросили меня собрать пехотинцев и кавалеристов! Как я могу им отказать? Это навлечет бесчестье на имя Лесли, и я на такое не пойду.

– Твои дальние родственники? Значит, Александр Лесли, граф Ливен, и его брат Дэвид? Те самые Лесли, которые выдали короля Карла Первого англичанам, когда тот искал убежища на родине? Разве это не бесчестье для рода Лесли? Позор! И почему ты вдруг стал слушать подобных негодяев? Кроме того, графство Гленкирк намного древнее графства Ливен. Если ищешь предложения отказаться, сошлись на свои годы. Ведь тебе, что ни говори, уже семьдесят два!

– Александр Лесли моложе всего на два года. Кроме того, не ему доверяют вести армии ковенанта, а его брату, наместнику. Кстати, Дэвид Лесли не намного моложе.

– Ты безумец! – воскликнула Жасмин. – Думаешь, до меня не дошли слухи, что фанатики, которые правят бал в этой земле и называют себя партией церкви, очищают армию от тех, кого считают неугодными Господу?! Они вмешиваются в военные дела и ослабляют нашу оборону, прикрываясь именем Божьим! Имей они хоть каплю здравого смысла, поставили бы неугодных Господу в передние ряды и избавились бы на всю жизнь. Но нет! Теперь они ведут угодную Господу армию на войну. Что за вздор! Ты не можешь и не должен участвовать в этом, Джемми Лесли! Ты седой старик, но я не желаю терять тебя, черт возьми!

– Считаете, мадам, что годы превратили меня в дряхлую развалину? – неожиданно рассердился герцог. – Прошлой ночью, в постели, вы так не думали.

Герцогиня залилась краской, но не отступила.

– Мы годами не имели никаких дел с королевской ветвью Стюартов! И ничем им не обязаны. Весь этот глупый спор из-за религии просто смешон! Ханжество ведет к нетерпимости, милорд, и вы это знаете!

– Король есть король, и он просил нас о помощи, – ответил жене Джеймс Лесли. – Вряд ли твой собственный отец потерпел бы подобное неуважение и неверность своих подданных.

– Мой отец, – спокойно возразила Жасмин, – ни в коем случае не подверг бы опасности себя или своих родственников. Могу я напомнить, милорд, что ваша первая жена, ее двое сыновей и нерожденный младенец погибли от рук ковенантеров, когда те напали на монастырь, в котором она гостила? Они насильовали, терзали, убивали и, наконец, подожгли строения, умертвив невинных женщин и их детей. А теперь, столько лет спустя, ты собираешься взять знамя Гленкирков и отправиться на войну за их дело?!

– Не за них. За Карла Стюарта. Король – мой родственник, – твердо объявил герцог. – Как насчет твоего сына от Стюарта? Он тоже удерет в кусты, покинув кузена? Вряд ли, мадам. Мы все обязаны собраться вокруг короля, чтобы те

люди, которые пытаются провозгласить так называемую Английскую республику, поняли, что нам она не нужна. Этим гнусным республиканцам нужно преподать достойный урок. Научить почтительности перед теми, кто выше их по рождению и положению, дорогая Жасмин. Кроме того, здесь, в Гленкирке, нам придется принять ковенант – во имя целесообразности. Нужно показать правительству, что Лесли из Гленкирка лояльны и преданны делу ковенантеров. Тогда нас оставят в покое. А возможно, решат, что я неугоден Богу, и отошлют домой, – закончил он со смешком.

– Я тебе не «дорогая Жасмин»! – бросила разгневанная герцогиня. – Король не имеет никакого отношения к Лесли! И ты ничем ему не обязан! Не позволю вести Патрика на верную смерть! Слава Богу, Адам и Дункан в Ирландии, за много миль от этого сумасшествия!

– Вряд ли Ирландию можно назвать безопасным местом, – сухо заметил герцог. – Кроме того, и Адам, и Дункан искренне приняли ковенант, хотя, побьюсь об заклад, они все еще верны королю.

Жасмин устало покачала головой. Похоже, мужа ничем не разубедить.

– Ты должен помнить, – все же начала она в последней попытке растопить сердце мужа, – что каждый раз, когда Лесли из Гленкирка имеют дело с династией Стюартов, случается беда.

Ее взгляд был устремлен на висевший над камином портрет.

– Дженет Лесли была навеки потеряна для семьи, когда ее отец служил Стюартам. Он вернулся домой, чтобы скорбеть по ней всю оставшуюся жизнь.

– И все же Патрик Лесли получил титул графа на службе у короля Якова Четвертого, – отозвался герцог. – А когда Дженет Лесли много лет спустя вернулась домой, она получила для своего сына графство Ситеан.

– Ее брат, его наследник и он сам вместе со многими членами семьи погибли при Солуэй-Мосс, в битве за короля Якова Пятого, – тут же нашлась Жасмин. – И весь род бы прекратился, если бы Дженет, дожившая до весьма преклонного возраста, не сумела защитить остатки семьи. А как насчет твоей матери? Что как не похоть Стюарта изгнало ее из Шотландии? Бедняжка так и не смогла

вернуться на родину и скончалась в Италии. Кто из родных был с ней рядом?! И ты забыл, как бесцеремонно вмешался король в нашу жизнь, когда, обручив нас, тут же передумал и пообещал меня своему тогдашнему фавориту, Пирсу Сен-Дени?! Страшно подумать, как долго мне пришлось скрывать детей от этого безумца и самой находиться в бегах много месяцев после рождения Патрика! Ничего этого не случилось бы, если бы не вмешательство короля!

– И все же, узнав о предательстве Сен-Дени, король пожаловал мне герцогство, – не сдавался Джеймс Лесли.

– Насколько я помню, – отпарировала Жасмин, – в то время он заявил, что это ничего ему не стоит, поскольку у тебя уже есть земли и богатство. Пустой титул, ничего более. И не стоит упиваться никчемным великодушием короля.

Они проспорили до глубокой ночи, но Жасмин так и не удалось одолеть мужа. В конце концов она неохотно согласилась с его решением, но так и не смогла примириться, зная, что он очертя голову бросается в море несчастий. И злилась, что может остановить его, только убив своими руками.

Герцог собрал пятьдесят всадников и сотню пехотинцев. Жена с отчаянной нежностью целовала его на прощание, безошибочным инстинктом чувствуя, что видит его в последний раз.

Вспоминая это теперь, в холодное октябрьское утро, Жасмин снова заплакала.

О том, что произошло потом, рассказал капитан ее личной стражи, Рыжий Хью, уехавший с герцогом. Джеймс Лесли, первый герцог и пятый граф Гленкирк, отправился на юг, послужить Богу, стране и королю. Однако его не отвергли, как неугодного Господу, ибо люди, правившие теперь Шотландией, слишком мало о нем знали. Вернее, знали самое необходимое. Он принял ковенант сразу, с первого же требования. Был верен жене, и даже самые злые языки ничего плохого не могли о нем сказать. Вырастил богобоязненных сыновей и дочерей.

Добравшись до места назначения, он немедленно представился наместнику Шотландии, своему дальнему родственнику сэру Дэвиду Лесли.

– Не знал, приедешь ли ты, – заметил тот. – Ты самый старший из Лесли и много лет не спускался со своих гор. Ты ведь старше моего брата, верно?

– Точно. В следующем году мне исполнится семьдесят три, – кивнул герцог. – Но я не привел своего наследника. Он еще не женат, и моя жена не допустила бы этого.

Дэвид Лесли кивнул.

– Мудрое решение, в котором нет ничего постыдного, милорд. Пойдем, я представлю тебя королю. Парламент не хотел видеть его здесь, но он все равно явился, чем снискал любовь простолюдинов.

Герцог Гленкирк низко поклонился королю, но при ближайшем рассмотрении не нашел в нем знакомых черт Стюартов. Высокий рост – вот единственное, что унаследовал он от шотландцев. Во всем же остальном пошел в мать: черные, как смородина, глаза, темные волосы, смуглая кожа. Настоящий француз. Копия деда, Генриха IV Наваррского. Позже Рыжий Хью утверждал, что в нем не было ни единой знакомой черты.

И только тогда тревога охватила Джемми Лесли. Совесть вновь проснулась в нем, но уже по другому поводу. Зачем он здесь? Из старых полузабытых сантиментов? Из чувства долга? Почему пренебрег главным правилом семьи – не связываться со Стюартами? Ах, как была права Жасмин! Каждый раз, когда в их жизнь входят Стюарты, жди несчастья!

Но как только король заговорил, даже страхи Рыжего Хью исчезли. Он был очарован.

– Милорд герцог! – начал Карл глубоким бархатистым баритоном. – Ваша верность не пройдет незамеченной. – Вы много лет не бывали у двора, но мой кузен герцог Ланди говорит о вас и своей матери часто и с любовью. Пожалуйста, передайте герцогине мое нижайшее почтение.

– Скорблю о вашем отце, ваше величество, – ответил Джеймс Лесли. – Я знал его с рождения и молюсь за его добрую душу.

– По обрядам, предписанным шотландской церковью, надеюсь? – осведомился король, и только очень внимательный слушатель мог бы уловить иронические нотки в его вопросе.

– Совершенно верно, ваше величество, – ответил герцог, снова кланяясь и лукаво поблескивая глазами.

В течение всего августа англичане напрасно пытались прорвать линию обороны шотландцев. Дэвид Лесли сделал все, чтобы его войска удерживали оборону, и англичанам в конце концов пришлось отступить к побережью, чтобы пополнить убывающий провиант. Голод и болезни преследовали их. Число солдат уменьшилось до одиннадцати тысяч – против двадцати трех у противника. Кромвель ретировался в Данбар. Шотландцы преследовали его по пятам, пытаясь загнать в тупик.

Второго сентября шотландцы, вместо того чтобы удерживать выгодную позицию в холмах, окружавших Данбар, спустились на равнину и расположились лагерем прямо перед англичанами, планируя атаковать на рассвете. Но вместо этого англичане напали раньше и первыми. Последовал ужасающий разгром ковенантеров, решивших посадить на трон законного короля. В тот день было убито четырнадцать тысяч солдат. И среди них – Джеймс Лесли, первый герцог и пятый граф Гленкирк.

Увидев труп мужа, Жасмин Лесли словно окаменела. И не проронила ни слезинки, когда хоронила возлюбленного мужа, хотя лично позаботилась о том, чтобы тело обмыли и одели в лучшие одежды. Из деревенской церкви прибыл преподобный мистер Эди, чтобы прочитать над усопшим длинную импровизированную проповедь. После его ухода Жасмин привела англиканского священника, которому когда-то привольно жилось в Гленкирке. После прихода к власти ковенантеров беднягу пришлось изгнать ради безопасности его и Гленкирков. Отец Кеннет проводил Джеймса Лесли в последний путь прекрасными словами из молитвенника, подарка короля Якова, и отпел по обрядам англиканской церкви.

Следующие несколько дней Жасмин провела взаперти в своей комнате.

– Я хочу скорбеть в одиночестве, – объявила она сыну, но через неделю отправилась в Броккери навестить семидесятисемилетнюю мать.

– Теперь мы обе вдовы, – заметила Велвет Гордон.

– Я приехала попрощаться, – спокойно ответила Жасмин. – Больше не могу оставаться в Гленкирке. Может, и вернусь когда-нибудь, но пока что не желаю здесь находиться.

– Неужели бросишь сына? – возмутилась мать. – Патрик нуждается в тебе. Ему пора найти невесту, жениться, родить наследников и управлять домом. Твой долг – проследить за всем этим.

– Патрику тридцать четыре, мама, и он вполне способен сам найти себе супругу. Он не нуждается в материнских наставлениях, а я должна избавиться от Гленкирка, пока не умерла от тоски. В каждой комнате, в каждом углу меня преследуют воспоминания о Джемми, и я не могу это вынести! Мне необходимо уехать! Вокруг тебя были дети и внуки, которые помогли пережить ужасное время после кончины Алекса. У меня же только Патрик. Патрику я ни к чему. Ему нужны жена и наследник, но он не обзаведется ими, пока я балую и нежу его. С собой возьму Адали, Рохану и Торамалли.

– Патрику давно было пора жениться, – раздраженно заметила вдовствующая графиня Броккерн. – Ты и Джемми разбаловали его и позволяли делать все, что в голову взбредет! Страшно подумать, что тут будет, когда ты уедешь. Советую, Жасмин, не убегай так поспешно!

Но Жасмин попрощалась с матерью, единокровными братьями и их семьями и вернулась в Гленкирк, так и не изменив своего решения. Созвав слуг, прослуживших у нее много лет, она рассказала о намерении покинуть Гленкирк.

– Хочу, чтобы вы отправились со мной.

– Куда же без вас, моя принцесса? – удивился ее управитель Адали. В свои лета он был еще весьма деятелен и твердой рукой правил хозяйством с того момента, как очутился в Гленкирке. – Мы вынянчили вас и вырастили. И останемся с вами, пока великий Бог не разлучит нас.

Жасмин сморгнула невольную слезу. Впервые со дня смерти мужа она ощутила что-то вроде подлинного чувства. До сих пор она казалась каменной статуей.

– Спасибо, Адали, – тихо вымолвила она и повернулась к своим таким же немолодым служанкам: – А как насчет вас, мои дражайшие Рохана и Торамалли?

– Мы поедем с вами, леди, – хором пропели близнецы. – Как и Адали, мы ваши до самой смерти.

Всю свою долгую жизнь Рохана прожила в девицах, а ее сестра вышла за одного из членов клана Лесли. Своих детей у них не было, но они вырастили племянницу.

– Торамалли, ты уверена? – спросила хозяйка. – Что, если Фергюс не захочет отправиться с нами? Ты должна посоветоваться с ним, прежде чем дашь ответ.

– Фергюс поедет, – решительно заявила Торамалли. – У нас нет ни детей, ни внуков, нам не о ком жалеть, а Лили уже в Англии, с леди Отем. Наша маленькая семья состоит из моей сестры и нашего доброго Адали. Мы слишком долго были вместе, чтобы разлучаться теперь.

– Я благодарна всем вам, – кивнула вдовствующая герцогиня Гленкирк. – Завтра начнем собираться.

Днем она поднялась на крышу замка, взобравшись по лестнице, ведущей к парапетам западной башни. Она посмотрела на темнеющее небо. На востоке холодным блеском сверкала вечерняя звезда. Но на западе садилось солнце во всем великолепии неистовых красок. Красно-оранжевые полосы перемежались с резкими мазками пурпурного. Над ними переливалась глубокая синева, испещренная розовыми облаками с золотистыми краями, плывущими к горизонту.

Жасмин вздохнула, обозревая поросшие лесом холмы вокруг Гленкирка. Она была истинно счастлива здесь. Много-много лет. И прожила тут дольше, чем где бы то ни было. Только рядом был Джемми!

И с его смертью Гленкирк вдруг показался чужим. Она осознала, что настала пора уезжать. Неизвестно, вернется ли она когда-нибудь и какие доводы приведет родным, но Гленкирк без Джеймса Лесли уже никогда не будет тем же.

Жасмин снова тяжело вздохнула и повернулась к дверце люка. Если она промедлит, бедняга Адали попытается подняться сюда, чтобы поискать ее.

Бросив последний взгляд на великолепную картину, развернувшуюся перед ней, Жасмин стала спускаться. Нужно еще потолковать с Патриком.

Она нашла сына в парадном зале, у одного из каминов.

– Я решила, что делать. Уеду из Гленкирка, как только соберу вещи, – объявила она, садясь напротив на стул с высокой спинкой.

Патрик Лесли поднял глаза на мать, и та с болью подумала, до чего же он похож на отца. Те же темные волосы и зеленые глаза.

– Куда ты поедешь? – удивился он. – Я не хочу расставаться с тобой, мама! Понимаю, что я уже взрослый, но мы только что потеряли отца. Не желаю и тебя терять!

Он поднес к губам ее руку и нежно поцеловал. Герцогиня проглотила слезы, угрожавшие хлынуть потоком. Ей нужно быть сильной – за себя и за сына.

– У меня есть вдовый дом в Кэдби, – пояснила она. – Там и буду жить. Вспомни, я, кроме всего прочего, еще и вдовствующая маркиза Уэстли. Я люблю Англию, и Богу известно, что климат в Кэдби куда полезнее для моих старых костей, чем в Гленкирке.

– А война, мама? Трудно представить, сколько опасностей там тебя подстерегает!

– Твой брат, маркиз Уэстли, оказался достаточно мудр, чтобы не принимать ничью сторону. Он верен тому правительству, которое сейчас у власти. Кроме того, как все мы, он старается держаться подальше от двора. Да и кто потревожит скорбящую старую вдову?!

– Но ты вовсе не старуха! – воскликнул сын и, улыбнувшись, добавил: – И все большеходишь на нашу грозную мадам Скай.

Жасмин, слегка сжав его пальцы, рассмеялась:

– Мне уже шестьдесят, так что молодость давно миновала. Патрик, ты единственный из моих детей, кто остался в Шотландии. Двое твоих братьев – англичане. Остальные, можно сказать, затерялись в Ирландии. Индия и Отем в Англии, но Фортейн навеки разлучена с нами. Тебе давно пора остепениться. Ответственность за Гленкирк пала совершенно внезапно, но не столь уж неожиданно на твои широкие плечи. Тебе давно следовало жениться. Тебе необходимы жена и наследник.

– Но больше всего мне необходима мать, – заупрямился Патрик. Однако Жасмин, нахмурившись, отняла руку.

– Нет, Патрик. Ты герцог Гленкирк и должен исполнять свой долг. Попробай понять. Мне нужно ехать в Англию по нескольким причинам. Прежде всего Шотландия для меня слишком грустное место. Во-вторых, я должна быть абсолютно уверена, что Генри Деверелл, муж Индии и мои внуки не ввяжутся в политические и религиозные распри. Знаю, что Чарли, мой Стюарт-с-другой-стороны-одеяла, колеблется, решая, стоит ли встать под знамена своего кузена-короля. Я должна разубедить его, если сумею. И есть еще кое-что, о чем я должна сказать тебе. Никогда – слышишь? – никогда и ни при каких обстоятельствах не связывайся с династией Стюартов. Они опасны, даже когда не желают этого. Ты и без меня прекрасно знаешь историю отношений Лесли и королевской ветви Стюартов. Послушай меня твой отец – сейчас был бы жив. Мы намеренно избегали двора, чтобы защитить тебя и Гленкирк. Ты не знаешь, каковы они, эти Стюарты. Очаровательны, но вероломны. Ты же должен быть верен Богу и своему клану. Делай все, что можешь и должен, для них и для своей семьи. Стюарты обладают невероятным обаянием, но при этом считаются только со своими желаниями и капризами. Оставайся в Гленкирке, здесь ты будешь в безопасности.

– Но что я буду делать без тебя, мама? – тоскливо прошептал Патрик.

Он останется один! За всю жизнь такого с ним никогда не случилось.

– Тебе следует искать жену, Патрик. Гленкирк нуждается в новой, молодой герцогине, – вздохнула Жасмин. – Найди невесту, но прежде убедись, что любишь ее. Возможно, в один прекрасный день я вернусь домой, к тебе.

– Мне не нравится твое решение, мама, – возразил он.

– Жаль. Потому что, дорогой Патрик, тут ничего не поделаешь. Я всегда буду жить своей жизнью, идти своим путем, ни под кого не подлаживаясь. Ты не сумеешь меня остановить, впрочем, и пытаться не будешь. Настало время, сын мой, исполнить менее приятные обязанности, которые приходят с возрастом. Почему ты до сих пор не привел в дом женщину, на которой хотел бы жениться? Сам знаешь, их в твоей жизни было более чем достаточно. Не стану допытываться, сколько бастардов Лесли бегают по округе, – с легкой улыбкой заметила Жасмин.

– До сих пор в женитьбе не было необходимости, – откровенно признался Патрик. – Женщины могут быть до ужаса надоедливы. От них нечего ждать, кроме неприятностей.

– По-своему ты прав. Особенно когда наши мужчины бывают такими упрямыми дурнями, – серьезно ответила мать. – Мир был бы куда более безопасным и уютным местом, если бы мужчины почаще прислушивались к своим женам, чем к собственным громким хвастливым голосам. Ах, если бы только твой отец послушался меня... вместо того, чтобы упрячиться... Но что сейчас об этом толковать! Я покидаю Гленкирк. Женись, начни новую жизнь. И любой ценой избегай Стюартов! Если я не ошибаюсь, сын покойного короля недолго сможет выносить узколобых лицемеров и ханжей, которые пытаются им управлять. Знаю, что он хотел только хорошего. И пришел в Шотландию, чтобы обрести почву под ногами и получить армию, с которой можно было бы прийти в Англию и отомстить за гибель отца. Вернуть свой шаткий трон. Но ему это не удастся. По крайней мере, не сейчас. Эти фанатичные идиоты вцепятся что есть сил в украденное, уничтожая или пытаясь уничтожить всех, кто стоит на пути. Берегись и их. Будь мудрым и не принимай ничью сторону. Поддерживай законное правительство тем, что не станешь интриговать и поднимать восстания, но никогда не выражай своего мнения публично. Лучшего совета я тебе дать не могу. Самое умное, что ты можешь сделать, – последовать ему.

Неделю спустя вдовствующая герцогиня покинула Гленкирк в сопровождении верных слуг, включая Фергюса Мор-Лесли, доброго человека, не пожелавшего оставить жену.

И Патрик Лесли впервые в жизни оказался в одиночестве, без родных и друзей. Без любимых родителей. Без братьев и сестер, рассеянных по свету. Такого с ним еще не бывало, и черная тоска охватила его. Усевшись перед камином на стуле с высокой спинкой и вышитым сиденьем, он размышлял о том, что ждет

его впереди.

Тишину в зале прерывало только потрескивание огня в камине да стук мокрого снега в окна. Пламя свечей колебалось и дрожало от сквозняков, проникавших сквозь крохотные щели в каменных стенах. У ног Патрика мирно посапывали две собаки – серо-голубая короткошерстая гончая и черный с рыжим шелковистый сеттер. А на коленях растянулся большой пушистый оранжевый кот, отпрыск Фу-фу, любимицы матери, и бродячего рыжего кота. Животное щурило золотистые глаза и тихо мурлыкало, нежась под ласками хозяина, задумчиво чесавшего ему спинку. В другой руке Патрик держал богато украшенный серебряный кубок, который он время от времени подносил к губам. Пахнувшее торфяным дымком виски скользило по горлу лентой горящего шелка, опускаясь в желудок нагретым камешком и разливая по телу тепло.

Мать права. Ему следует обзавестись женой и наследниками. Именно этого от него и ожидают. На его памяти Гленкирк всегда звенел голосами детей – не только Лесли, но и Гордонов из Броккерн, родственников со стороны матери. В те дни друзья и родные постоянно ездили друг к другу в гости, договаривались о помолвках между детьми, едва сделавшими первые шаги, тем самым позволяя им подольше побыть в обществе друг друга, так что к тому времени, когда приходила пора праздновать свадьбу, между новобрачными уже зарождалась если не любовь, то по крайней мере дружба. Теперь же все стало по-иному.

Прежде всего многие благородные шотландские семьи перебрались на юг, когда король Яков унаследовал трон после великой Елизаветы. Многие так там и остались, получив или увеличив состояния. Остальные вернулись в полном разочаровании. После смерти первой жены и детей Джеймс Лесли и впрямь служил королю, в делах, связанных с процветающей торговлей Англии. Не хотел оставаться в Гленкирке наедине со своими горькими воспоминаниями.

К недовольству всей своей родни, он оставался неженатым много лет, пока король Яков лично не выбрал мать Патрика ему в жены. Богатая и к тому времени дважды овдовевшая Жасмин противилась насильственному браку, но Джеймс Лесли смог убедить ее покориться повелению монарха. Однако брак, начавшийся по приказу, превратился в союз по любви. Один за другим появились три сына и две дочери, из которых выжили четверо. И все это время они прожили в Гленкирке, ни разу не покидая Шотландию, если не считать летних поездок в Королевский Молверн, поместье бабушки.

Патрик Лесли понял, что мать права. Он обязан жениться. «Долг» – это слово, которое прекрасно понимал каждый Лесли. Но долг по отношению к кому? Мать считала, что человек прежде всего обязан Господу, а потом уже семье, и была абсолютно права. Патрик про себя поклялся, что сделает все для Гленкирков. В конце концов, он в глаза не видел короля, и не все ли равно, что с ним станется?

Герцог взглянул на висевший над камином портрет дочери первого графа Гленкирка, леди Дженет Лесли. Их история была хорошо ему знакома. Именно Дженет получила графство Ситеан для своих потомков. Та самая Дженет, обладавшая сильным чувством долга, спасла Лесли из Гленкирка и Лесли из Ситеана после рокового поражения шотландцев в битве с англичанами при Солуэй-Мосс в 1542 году. Все взрослые мужчины этих семейств погибли, но Дженет Лесли в своем преклонном возрасте собрала вокруг себя их сыновей и дочерей, растила, пока они не смогли занять подходящие им места, научила управлять их маленькими владениями и заключила для всех самые выгодные брачные контракты. На беду, слишком многие потомки Лесли растранижили свое богатство, и успех отвернулся от них. И все потому, что забыли основное правило семьи и пострадали за это.

– Но я не забуду, – пообещал себе второй герцог и шестой граф Гленкирк, сжимая кулаки. – Не забуду. И пропади пропадом королевские Стюарты и весь их род!

За окном поднялся ветер, назойливо дребезжа стеклами. Герцог осушил кубок, продолжая гладить огромного оранжевого кота, чье мурлыканье становилось все громче. Неожиданно зверюшка открыла глаза и взглянула на герцога. Патрик улыбнулся капризному созданию, довольно тершемуся о его бедра.

– Придется остаться на ночь в замке, Султан, – заметил он, – но уверен, что ты и здесь найдешь жирную мышку или крысу и сможешь вдоволь позабавиться. Что же до меня... – Он поднялся и осторожно поставил кота на пол. – Я иду спать, дружище. Если погода к утру прояснится, поеду охотиться. Неплохо бы повесить в кладовой оленя-другого.

Кот встряхнулся, немного посидел, рассматривая спящих псов, хлопотливо умылся и с достоинством направился в темный угол. Герцог смешливо фыркнул. Он с детства любил кошек больше, чем собак, хотя и знал, что такое мужчине не подобает. Собаки, да возлюбят их Господь, верны всякому, кто их кормит. Кошка же подружится с вами только в том случае, если вы ей действительно

нравиться.

Как только он стал подниматься к себе, гончая и сеттер немедленно двинулись следом. До чего же тихо в замке! Словно, кроме него, тут нет ни души.

Он отослал слуг раньше обычного, ибо был вполне способен сам позаботиться о себе. Натянув ночную рубашку, Патрик Лесли лег на большую кровать в герцогской спальне. Всего несколько месяцев назад здесь были покои его родителей и их кровать. После похорон отца мать настояла на том, чтобы он переехал сюда. И до сих пор ему было здесь неудобно. Все же он скоро заснул и спал без сновидений.

Глава 2

Проснувшись, Патрик сразу приоткрыл окно. День выдался пасмурным. Небо заволочло тучами, хотя ни снега, ни дождя не было. Зато ветер улегся.

– Скажи на конюшне, что я сегодня охочусь, – велел он своему слуге и дальнему родственнику Доналу, с которым дружил едва ли не с пеленок. Семейство Донала, Мор-Лесли, служило многим поколениям Гленкирков.

– Хорошо, что догадались выехать пораньше, милорд, – кивнул Донал. – В зале вас ждет плотный завтрак. Не хотите взять еду с собой? Вряд ли вы вернетесь до заката. Охота на оленей – дело долгое.

– Верно, – кивнул герцог. – Нам понадобятся овсяные лепешки, сыр и сидр. Передай остальным – пусть наберут припасов на кухне.

– Будет сделано, милорд, – ответил Донал, вручая Патрику сначала подштанники и штаны, потом белую рубашку с широкими рукавами и вырезом на сборке. Пока Патрик натягивал штаны поверх толстых темных вязаных чулок, он держал наготове кожаную куртку с пуговицами из рога. Штаны тоже были шерстяными, выкрашенными в ореховый цвет. Завязав тесемки на рубашке, Патрик сел и принялся надевать коричневые кожаные сапоги до колен, и только потом настала очередь куртки. Взяв подбитые мехом плащ и кожаные перчатки, он

спустился в зал, где уже был накрыт стол.

Одиночество отнюдь не повлияло на его аппетит. Он мигом умял овсянку с медом, несколько яиц пашот в сливочном соусе, сдобренном марсалай, три ломтя ветчины и целый деревенский каравай с маслом и твердым сыром. Служанка принесла кружку с дымящимся чаем, напитком родной страны его матери, к которому он пристрастился. Младшие братья часто подшучивали над его привычкой пить горячий чай по утрам, поскольку сами они, как и отец, больше любили темный эль.

При воспоминании об их проделках Патрик улыбнулся. Каково приходится Дункану и Адаму в Ирландии, которая всегда напоминала кипящий котел своими постоянными рознями и мятежами? Они еще тоже пока холостые.

Патрик обреченно вздохнул. Что ж, он обязан подавать хороший пример.

Закончив завтракать, он с грустью заметил, что повар быстро привык готовить на одного. И это почему-то его тревожило. Поднявшись из-за стола, он оглядел зал, заметив тонкий слой пыли на древней дубовой мебели. Слуги совсем обленились без постоянного присмотра Адали, мажордома матери! Да и что тут скажешь! За ними просто некому следить. Ему действительно нужна жена, но где, черт возьми, ее взять?..

Гленкирк – место глухое и со всех сторон окружен холмами восточного нагорья. Ближе всех жили Лесли ветви Ситеан и Гордоны из Броккерна. Он был в хороших отношениях с обеими семьями, что давало всем дополнительную гарантию безопасности. Семья бабки со стороны отца продала земли в Грейхевне лордам Гленкирк и отправилась с королем Яковом в Англию искать счастья. Их старый дом, и без того находившийся в плохом состоянии, был снесен.

Теперь Патрик редко видел родственников и не мог вспомнить, были ли среди них девушки, достигшие брачного возраста. Интересно, как же поступает мужчина, желающий жениться? Может, летом отправиться на игры и выбрать девицу попригляднее? Правда, перед этим стоит удостовериться, что она умеет вести хозяйство. Почти каждую девчонку можно заманить в постель, но если она не сможет командовать слугами или по крайней мере пользоваться их уважением, на что нужна такая?!

Хотя во времена, подобные этим, уединенность более предпочтительна, все же и она имеет некоторые недостатки. Патрик снова перебрал в памяти родственников. Есть ли среди них невесты? Похоже, нет. В их поколении рождались одни мальчишки, и все уже женаты. Где, к дьяволу, они отыскивали подходящих женщин? Может, попросить кого-нибудь проводить его на игры и дать совет в таком деликатном деле?

Он наверняка станет предметом многочисленных шуток и подковырок, но что поделать? Ему нужна помощь.

Патрик устало покачал головой и, накинув плащ, вышел во двор, где уже ждал оседланный жеребец. Гигантский серый зверь рыл копытом землю, готовый сорваться с места. С полдюжины членов клана уже сидели в седлах. Кавалькада прогромыхала по тяжелому дубовому подъемному мосту и углубилась в лес, сопровождаемая возбужденным собачьим лаем. Ветер так и не поднялся, и клочья тумана по-прежнему висели между горными вершинами и на деревьях. Все же среди темной зелени елей иногда проглядывали и другие, правда стертые, довольно блеклые цвета. К середине утра они сумели выманить из укрытия большого оленя-самца. Грациозное животное с ветвистыми рогами вылетело на открытое пространство и принялось вилять и метаться между деревьями с искусством, рожденным долгим опытом. Собаки бросились за ним. Проведя их сквозь весь лес, олень наконец добрался до небольшого озера, прыгнул в воду и пропал в тумане, чем сбил погоню со следа. Разочарованный вой гончих прокатился по округе. Охотники натянули поводья. Собаки шныряли у конских ног, повизгивая и жалобно таякая. На гладкой воде озера виднелась полоса, указывающая путь оленя, но сама добыча, увы, пропала из виду.

– Проклятие! – воскликнул герцог, спешиваясь. – Половина утра потрачена зря! С таким трудом его выманили – и вот все потеряно. Что ж, раз все равно остановились, давайте хотя бы поедим. Я умираю от голода, парни, но, кроме лепешек и сыра, ничего нет.

– А кролики, которых мы поймали по пути, милорд? – напомнил главный егерь, брат Донала, Колин Мор-Лесли. – Освежуем их и поджарим!

После сытного обеда герцог лениво оглянулся.

– Где это мы? – спросил он, ни к кому в особенности не обращаясь.

– Это Лох-Брей, милорд, – пояснил Колин. – Посмотрите туда, в сторону острова. Там еще сохранился старый замок. Только он заброшен. Последняя наследница Гордонов из Брея вышла за Броуди много лет назад и уехала с мужем в Килликерн.

– Эти земли примыкают к владениям Гленкирков, – задумчиво протянул Патрик. – Если никто здесь не живет и замок разрушен, может, стоит купить его у Броуди? Не нравится мне, что рядом с Гленкирком находится заброшенная земля.

– Вы не знакомы с Броуди? – удивился Колин. – Старый грешник скуп, как ростовщик, и хитер, как лис. Все же у него шестеро сыновей, и он всегда рад лишней монете. По крайней мере, я так слышал.

– Почему же он не отдал Брей одному из своих парней? – удивился герцог.

– Их матерью была его первая жена. Леди Гордон – вторая. Она была намного его младше и умерла лет десять назад. Старому Броуди, должно быть, уже за восемьдесят. Его мальчишки старше вас, милорд, а вот леди Гордон родила ему девочку. Похоже, Брей – это ее приданое.

– Девушке куда больше пригодится кошель с золотом, чем груда старых камней, – заметил герцог. – Поедем, посмотрим хорошенько на замок Брей.

Они поехали берегом озера к тому месту, где гниющий деревянный мостик соединял сушу с островом. Оставив лошадей из опасения, что они могут провалиться, мужчины, осторожно ступая, побрели к острову, скалистой глыбе с двумя-тремя деревьями. Легкий ветерок прогнал туман, и бледно-желтое солнце, проглянув между свинцовыми облаками, неярко осветило местность.

Остров не казался особенно гостеприимным. Даже по краю воды вместо песка валялись булыжники. Земля между замком и мостиком представляла собой голое поле и, очевидно, была оставлена в таком виде как первая линия обороны. Сам замок, с несколькими башнями, круглыми и квадратными, был выстроен из темно-серого камня. На острых крышах, крытых сланцевым шифером, возвышались дымовые трубы. При ближайшем рассмотрении оказалось, что замок отнюдь не был в таком уж безнадежном состоянии. Все же Патрика больше интересовали земли.

– Какого дьявола! – неожиданно прошипел он, вскакивая и изумленно уставясь на стрелу, вонзившуюся в землю у самых его ног.

– Вы нарушаете границы чужих владений, сэр, – прозвенел чей-то голосок. Из замка выступила молодая женщина, держа наготове большой, ростом с нее, лук.

– Как и вы, полагаю, – холодно бросил герцог, ни в малейшей степени не озадаченный. Его зелено-золотистые глаза оценивающе оглядели незнакомку. Она показалась ему самой высокой из всех когда-либо виденных женщин и к тому же была весьма странно одета: в мужские штаны и сапоги, куртку из оленьей кожи, под которой виднелась белая рубашка. Через плечо был небрежно перекинут плед в красную, черную и желтую клетку. На голове заливчато сидела маленькая шапочка из голубого бархата с орлиным пером. Но не это приковало его внимание. Волосы. Рыжие. Но совершенно поразительного оттенка. Яркое червонное золото рассыпалось по плечам и спине массой крутых локонов.

– Кто ты? – наконец догадался он спросить.

– Вы первый, сэр, – дерзко бросила она.

– Патрик Лесли, герцог Гленкирк, – ответил он с легким поклоном, напряженно гадая, мягки ли ее волосы.

– Фланна Броуди, наследница Брея.

Мало того что она не присела, как полагалось при встрече с герцогом, так еще и дерзко тарасилась на него, как на нечто невиданное.

– Что вам нужно на моих землях, милорд? У вас нет прав здесь находиться.

– А у тебя есть?

Что за наглая особа!

– Это мои земли, милорд. По-моему, я уже об этом упоминала, – сухо пояснила Фланна Броуди.

– Я хочу купить их, – сообщил герцог.

– Брей не продается, – отрезала Фланна.

– Ваши земли примыкают к моим, леди. И если не ошибаюсь, предназначены вам в приданое. Если только вы не выйдете за безземельного дворянина, чего, я уверен, ваши отец и братья никогда не допустят, окажется, что Брей ему также ни к чему, как и вашему папе. Однако золото сделает вас завидной невестой. Назовите цену, и я не стану торговаться.

Девушка стояла, широко расставив ноги и сверля его злобным взглядом.

– Я уже сказала, милорд, что Брей не продается! Я вообще не собираюсь выходить замуж. Здесь будет мой дом. А теперь берите своих людей и убирайтесь прочь! Вам здесь не рады!

Патрик Лесли шагнул к Фланне, но та, отскочив, пустила вторую стрелу, воткнувшуюся в землю у его ног, и потянулась в колчан за третьей. Но не успела. Герцог метнулся вперед, вырвал лук, отшвырнул в сторону и, бесцеремонно зажав голову Фланны под мышкой, отвесил несколько увесистых шлепков.

– Ты плохо воспитана, девчонка, – проворчал он. – Странно, куда смотрел твой отец?

Люди герцога покатывались со смеху, а разъяренная девушка, вывернувшись, ударила его с такой силой, что он едва не упал.

– Спесивый ублюдок! – прошипела она. – Как ты смеешь касаться меня своими грязными лапами?!

За первой оплеухой последовала вторая, и девушка, отскочив, схватилась за рукоять кинжала. Хохот мгновенно смолк. Люди герцога пораженно переглядывались, не зная, что предпринять. И решили не вмешиваться. Герцог сам за себя постоит!

– Ах ты, маленькая дьяволица! – взвыл он, стиснув ее запястья одной рукой и отнимая кинжал другой. Фланна принялась отбиваться.

– Ты первым меня ударил! – завопила она.

– Ты дважды выстрелила в меня! – отпарировал он.

– Убирайся с моей земли!

– С меня довольно! – произнес герцог и, подняв девушку, перекинул через плечо. – Я везу тебя домой, к твоему родителю, девчонка, и не потерплю больше неповиновения! Пусть он решает, продавать ли Брей! Ты тут ни при чем! Я готов поставить на кон золотую монету, что он согласится!

– Отпусти меня, ублюдок несчастный!

Девушка извивалась, лягалась, пытаясь удрать от него, но сделать это в положении вниз головой оказалось весьма затруднительно. В конце концов ей пришлось успокоиться – хотя бы потому, что переход через полуразрушенный мостик был довольно опасен. Если она шлепнется в воду, утонет вместе с этим негодяем. А тут еще и его спутники громко хихикают, не скрывая злорадства.

– Колли, свяжи ее по рукам и ногам, – приказал герцог. – Я повезу ее в седле перед собой. Далеко ли до Килликерна?

– Миль десять, милорд. Придется ехать через Хэй-Глен. По другую сторону холма начинаются земли Броуди. Но не собираетесь же вы всю дорогу держать девочку головой вниз? Пусть сядет как следует, а я свяжу ей ноги под брюхом лошади. Вряд ли старому Броуди понравится, как вы обращаетесь с его дочерью.

Герцог кивнул, но добавил:

– В таком случае ему следовало бы научить дочь хорошим манерам, Колли. В жизни не видел такой невоспитанной девицы.

Руки Фланны стянули веревкой, а ее саму усадили на герцогского жеребца.

– Ее прозвали Пламенной Фланной, милорд, – пояснил Колин Мор-Лесли, наклоняясь, чтобы спутать ей ноги, и ловко уклоняясь от пинка.

Патрик прыгнул в седло и потянулся за поводьями, невольно обняв девушку. Та попыталась уклониться, но только откинулась ему на грудь и, смутившись, затаила дыхание.

Патрик пришпорил жеребца, и всадники в сопровождении собачьей своры понеслись вперед. Фланна уныло подумала, что на этот раз попала в настоящую передрыгу. Когда она научится сдерживать свой чертов нрав? Все, что нужно сделать герцогу, – потрясти перед носами отца и братьев толстым кошельком. И у нее отберут Брей, а тогда она останется ни с чем, учитывая болезненную скупость отца. Как часто она твердила, что не хочет мужа! Теперь ее поймают на слове и загребут себе все золото. А ее оставят нищей. После кончины отца она попадет в полную зависимость от старшего брата, Олея. Если тот захочет, то лишит сестру даже куска хлеба. И что всего хуже, не в ее силах что-то сделать. Даже если она согласится продать землю, все равно потребуется одобрение отца и деньги передадут ему.

– Какого черта вам потребовались мои владения? – неожиданно взорвалась она.

– Я уже сказал. Они примыкают к моим.

– Но раньше вам они были ни к чему.

– Гленкирк перешел ко мне недавно, после того как отец был убит при Данбаре, – пояснил Патрик. – В Англии война, в Шотландии беспорядки, в Ирландии и Уэльсе постоянные мятежи. Вот мне и хотелось бы по возможности обезопасить Гленкирк от безумия нынешнего мира. Я желаю одного – чтобы меня оставили в покое. А для этого нужно приобрести как можно больше земли.

– Я ничем вас не потревожу, если буду жить в Брее, – с надеждой пробормотала Фланна. – Я хочу того же, что и вы. Чтобы меня не трогали.

– Но кто знает, чего потребует твой муж? – заметил герцог.

– У меня нет и не будет мужа. Я ни с кем не обручена, да и не собираюсь, милорд. Не нахожу мужчин особенно привлекательными и терпеть не могу их приказов. Моему отцу было уже за шестьдесят, когда я родилась. У меня шестеро единокровных братьев, сыновей его первой жены, уже немолодых людей. Старшему пятьдесят шесть, младшему сорок восемь. Большинство моих племянников и племянниц тоже старше меня. И все живут в Килликерне. Огромное количество шумных, хвастливых, громкоголосых мужчин, обожающих запугивать и изводить своих жен. Мне это не по душе. И поскольку у меня есть свои земли, я решила уехать и жить в Брее.

– Одна? – удивился герцог. – А твой отец согласен?

– У меня есть служанка Эгги, побочная дочь одного из моих братьев. Я взяла ее к себе, когда она была совсем ребенком, ибо жена моего брата жестоко обращалась с ней. Вечно искала предлога побить Эгги.

– Две девушки, одни, в уединенном полуразрушенном замке! – презрительно бросил Патрик. – Так ты не ответила – отец согласен?

Фланна проглотила резкий ответ. Если она хочет уговорить его отказаться от своего намерения купить Брей и окончательно ее обездолить, нужно действовать добром.

– Еще есть Энгус, – призналась она. – Он был слугой моей матери, а после ее смерти перешел ко мне. В нем роста почти семь футов. Отважный и устрашающий воин.

Патрик едва не рассмеялся вслух. Две девушки и выживший из ума старый солдат! Этот Энгус, должно быть, спятил, если участвует в таком забавном заговоре!

Но он сдержал свое неуместное веселье. Он делает Фланне Броуди огромное одолжение, покупая Брей. Ее нежелание выйти замуж, разумеется, чистая глупость. Золото добудет ей вполне порядочного мужа. Он будет даже великодушнее, чем предполагал ранее, ибо, как ни странно, восхищался силой духа этой девушки. Пламенная Фланна. Ничего не скажешь, подходящее прозвище!

– Не расстраивайся, девочка, – сказал он, – все обернется к лучшему, даю слово.

«Ад и пламя! – выругалась про себя Фланна. – Неужели проклятый герцог туг на ухо? Или просто глуп? Неужели не понял, что ему говорят?!»

– Пожалуйста, милорд, – выдавила она, проглотив гордость. – Не предлагайте купить Брей. Это все, что у меня есть. Мой отец оставит золото себе. Я не увижу и монеты.

– Вздор, девочка, – попытался он утешить ее. – Ты единственная дочь у своего отца. Он наверняка желает тебе добра.

– Дьявол! – выпалила Фланна. – Вы что, оглохли, милорд?! Лохленн Броуди – злобный, жадный старикашка! Он и четырех пенсов из рук не выпустит, разве что его заставят силой! Как по-вашему, почему все мои братья вынуждены жить в Килликерне с семьями? Он ничего им не дает, так что они были вынуждены жениться почти что на бесприданницах! Ни у кого из них нет и клочка собственной земли! И они ненавидят старика, хотя боятся сказать ему это в лицо. Предложите купить Брей – и он заграбастает ваше золото, оставив меня такой же обездоленной, как братьев. А когда он сойдет в ад, все унаследует мой старший брат, Олей, точная его копия. У меня ничего не останется.

Слова ее звучали правдиво, но Патрик Лесли все еще не мог поверить, что на свете есть отцы, способные лишить единственную дочь того, что принадлежит ей по праву. Особенно такую смазливую девчонку, ибо она в самом деле была прехорошенькой. Но разумеется, преувеличивает. Не желает, чтобы наследственные земли ее матери были проданы. Он вполне ее понимает, но тем не менее хочет получить Брей.

Герцог не стал вступать в дальнейшие переговоры. Фланна Броуди тоже молчала, понурившись.

В середине дня они добрались до долины Килликерн, где на фоне серого неба темнел большой каменный дом Лохленна Броуди. Когда они въехали во двор, на крыльцо с криком выбежала женщина.

– А, это ты, злобная маленькая чертовка! Где тебя носило? И кто эти люди? Немедленно слезай с лошади! Твой родитель весь день собирался дать тебе

трепку, как ты того заслуживаешь!

Лицо женщины покраснело от гнева.

– Это жена моего старшего брата, Уна Броуди, милорд, – сухо объявила Фланна. – Уна, это герцог Гленкирк. Я поймала его на землях Брея, а он захватил меня в плен. – Издевательски улыбаясь, она воздела к небу связанные руки. – Боюсь, что не смогу сама спешиться, пока еще и ноги не развяжут.

При виде горькой участи золовки Уна Броуди завизжала так громко, что все многочисленное семейство высыпало во двор и с открытыми ртами уставилось на незваных гостей.

Герцог был уверен, что расслышал лукавый смешок Фланны, но, немного подумав, решил, что ошибся.

– Ни к чему так шуметь, мадам, – обратился он к Уне. – Если бы я желал зла Броуди из Килликерна, вряд ли явился бы всего с полудюжиной воинов.

Он развязал руки Фланны, одновременно велел Колину Мор-Лесли освободить ей ноги.

– Можешь спуститься, – пробормотал он.

– О нет, милорд, – пропела она, очевидно наслаждаясь происходящим. – Вид отсюда куда лучше, чем с земли. Кроме того, я никогда раньше не сидела на столь великолепном скакуне.

– Значит, спешимся оба, – процедил Патрик сквозь зубы и, спрыгнув на землю, поднял девушку.

– Что здесь творится? – осведомился мужчина, почти такой же высокий, как Патрик, протискиваясь сквозь толпу. – Фланна! Где ты была, девочка? Старик рвет и мечет. – Взгляды его и герцога встретились. – А вы кто, сэр?

– Патрик Лесли, герцог Гленкирк. У меня дело к вашему родителю, сэр, – ответил тот, протягивая руку, которая немедленно попала в стальные тиски.

– Олей Броуди, милорд. Прошу вас в дом. Вас и ваших людей примут как почетных гостей. Уна! Перестань выть, женщина. Это не набег, а дружеский визит, черт возьми! Правда, гости у нас бывают редко, но не прогоняй и этих своим нытьем, прежде чем мы предложим им свое гостеприимство.

Граф последовал за Олеем Броуди в дом. Фланна возглавляла процессию, остальные шли сзади. Маленький зал вскоре заполнился хозяевами и слугами. В дальнем конце комнаты дымил единственный очаг, рядом с которым восседал на старом, почерневшем от времени дубовом стуле с высокой спинкой седовласый старик. Когда-то высокий и могучий, сейчас он был согбен временем. Самой выдающейся его чертой был огромный крючковатый нос. Но несмотря на возраст, взор его был по-прежнему острым и проницательным. Он пристально следил за гостем, которого привел сын.

– Это Патрик Лесли, герцог Гленкирк, па, – объявил Олей Броуди.

Патрик вежливо поклонился старику:

– Рад знакомству, сэр.

Тот небрежным жестом указал на скамью, стоявшую напротив.

– Принеси виски, – коротко бросил он сыну, и тот едва ли не бегом бросился выполнять приказание.

– Где ты была? – спросил он, обращаясь к единственной дочери.

– В Брее. Я намереваюсь взять Эгги и Энгуса и уехать туда.

Отец только фыркнул и обратил взгляд на Патрика Лесли:

– Говорят, вы привезли домой мою девочку, связанную по рукам и ногам. Почему?

– Она напала на меня, – оправдывался герцог. – Пустила две стрелы, едва меня не задев, не говоря уже о кинжале, которым размахивала. Я посчитал это

враждебной выходкой.

– Она могла бы и убить вас, если бы пожелала, – хмыкнул Броуди. – Когда ей было шестнадцать, я видел своими глазами, как она одной стрелой свалила оленя. Прямо в сердце, сэр, прямо в сердце. Кстати, она могла сама найти дорогу в Килликерн.

– Я хочу купить Брей, – без обиняков заявил Патрик.

– Зачем? – Глаза старика вдруг заинтересованно блеснули.

– Он граничит с моими владениями. Хочу, чтобы меня и моих соседей разделяло как можно больше земель. Времена нынче опасные, кругом войны да распри.

– Верно, – согласился Лохленн Броуди.

– Но ты не можешь продать Брей, па, – вмешалась Фланна. – Он мой! Мое приданое! Все, что у меня есть!

– Я дам вам справедливую цену, – как ни в чем не бывало продолжал герцог. – Золото куда ценнее для девушки, чем заброшенные земли. Кроме того, они окружены владениями Гленкирков и бесполезны для всех, кроме меня.

– Сколько? – спросил Лохленн.

– Двести пятьдесят золотых крон.

Старик покачал головой:

– Мало.

– Тогда пятьсот, – предложил герцог.

В зале стало так тихо, что, казалось, слышно было, как муха пролетит.

– Мне нужно не золото, милорд, – наконец вымолвил Броуди. – Во всем мире нет столько денег, чтобы купить у меня Брей.

– Что же тогда вы хотите, сэр? – осведомился герцог. – Если в моих силах дать это вам, я все сделаю, потому что хочу получить Брей.

– Если так, берите в придачу и наследницу. Женитесь на Фланне – и Брей ваш.

– Будь я проклят! – громко охнул Олей Броуди, потрясенный не меньше остальных. Золото было богом отца, и все же старик в самом деле пытается устроить жизнь младшего ребенка.

– Я не желаю выходить ни за кого, а тем более за него! – взвилась Фланна.

– Закрой рот, девочка, – спокойно велел отец. – Я человек нелегкий и, по чести говоря, довольно прижимист, но искренне любил твою мать. Она была радостью моих немолодых лет. Я обещал ей на смертном одре выдать тебя замуж за хорошего человека, и, по правде сказать, лучшего шанса тебе не представится.

Он обратился к герцогу:

– Итак, ваша светлость, проверим, насколько сильно вам хочется получить Брей. Она не какая-нибудь уродина, хотя немного костлява и угловата. Боюсь, это она унаследовала не от матери, а от меня. Да и нрав у нее свирепый. Не солгу, если скажу, что лучшего воина вам не найти. В битве будет сражаться на равных! К тому же она девственна, клянусь честью, ибо никто не смеет и близко к ней подойти. Так что в наследнике наверняка будет течь ваша кровь. Фланна, хоть и не первой свежести, все же достаточно молода, чтобы народить вам здоровых детишек. Если вам нужен Брей, берите мою дочь в жены. Ведь вы еще холосты, верно?

Патрик уже подумывал было солгать старику, но понял, что его слишком легко уличить.

– Верно, – кивнул он.

– Я не выйду за него! – заорала Фланна так громко, что в ушах зазвенело, но на нее никто не обратил внимания. В мужских делах женщинам нет места!

– Молчи, глупая паршивка! – прошипела Уна. – Если не станешь пререкаться, твой па сделает тебя герцогиней!

– Мне он не нужен! – снова вспылила Фланна.

Патрик присмотрелся к ней немного внимательнее. Ему действительно необходима жена, и не важно, любит он ее или нет. Кроме того, пора подумать о наследниках, а Фланна выглядит достаточно сильной. Он уже давно решил, что любовь только все усложняет. Так к чему терзаться? Невеста собой неплоха, да и приданое очень заманчиво. Золото ему ни к чему. Он и без того богат. Его семья желает, чтобы он выполнил свой долг. Так чего же еще? Правда, Броуди – не ровня Лесли. Кто они такие? Грубые, неотесанные горцы, ничего более. Но им и не придется видаться часто, как только Фланна переедет в Гленкирк, разве что понадобится их помощь в бою. Судя по виду, они закаленные бойцы, так что и это немалое преимущество.

И в этот момент Патрик понял, что уже принял решение.

– Я беру ее, – объявил он.

– Нет!

Фланна топнула ногой и оглядела зал в поисках поддержки. Надежда была напрасной.

– Милорд, это слишком опрометчивый поступок, – пробормотал Колин Мор-Лесли хозяину. – Наверняка можно найти другой способ. Вспомните своего отца, упокой Господи его добрую душу. Неужели он одобрил бы такое? А ваша мать?!

– Мне нужна жена, – упрямо напомнил герцог, – и Брей тоже. По-моему, все улажено как нельзя лучше.

– Иди в деревню и приведи священника, – приказал Лохланн Броуди старшему сыну.

– Вы требуете, чтобы я женился прямо здесь и сейчас? – растерянно пробормотал Патрик. Впрочем, какая разница?

– Вы женитесь на ней, уложите в постель, так чтобы я и мои сыновья получили все необходимые свидетельства того, что брак заключен, а вы позже не смогли бы развестись на том основании, что невеста так и осталась девушкой, и оставить Брей себе. Я не доверяю ни одному человеку.

– Что за старый коварный дьявол! – тихо воскликнул Колин Мор-Лесли.

– Как пожелаете, Лохленн Броуди, – кивнул герцог. – Посылайте Олея за святым отцом. Какая разница, когда жениться – сейчас или через неделю?

– А вы останетесь на ночь, – прозвучал замаскированный приказ.

– Да, и раскупорю девушку, чтобы завтра утром все могли видеть ее невинность на простынях, прежде чем я увезу ее в Гленкирк. И получу дарственную на Брей, так?

Лохленн Броуди кивнул.

– Согласен, – объявил он, плюнув на ладонь и протягивая ее герцогу.

Тот повторил ритуал, и мужчины обменялись рукопожатием.

– Нет, – тихо повторила Фланна, но ее никто не слушал. С таким же успехом она могла обращаться к стене.

– Пятьсот золотых крон потеряно, но ты станешь герцогиней, – завистливо пробормотала Эйлис, одна из невесток. – Ну и повезло!

– Повезло? – с горечью повторила Фланна. – Я так не считаю. Ты, по крайней мере, любишь моего брата Симона, да и он о тебе заботится. Все, что нужно от меня этому Лесли, – это Брей. И ему все равно, купит ли он землю или возьмет в приданое. Разве из меня выйдет герцогиня?! Да я опозорю себя и мужа собственным невежеством. Так что какая уж тут удача!

– Ничего, научишься, – утешила Эйлис. – Кроме того, сомневаюсь, что вы когда-нибудь отправитесь ко двору. Говорят, англичане убили одного Стюарта, так что и двора теперь нет. А ведь ты умеешь вести хозяйство, поскольку мы все старались научить тебя, как управлять домом. Несмотря на упрямство, ты довольно умна. А чего не знаешь, то сообразишь.

– Отведите дочь в ее комнату и проследите, чтобы она достойно выглядела на своей свадьбе, – велел женщинам Лохленн Броуди.

Жены и дочери братьев немедленно окружили Фланну и увели. Ее служанка, Эгги, прижалась к хозяйке.

– Вы возьмете меня с собой, госпожа? – нервно спросила она.

– Разумеется, и Энгуса тоже, – заверила Фланна и, неожиданно повернувшись, обратилась к жениху: – Можно мне взять Эгги и Энгуса? Без них я не поеду!

– Конечно, твои слуги тоже поедут, – заверил он. Она так настойчива в своих требованиях, хотя не имела никаких прав так говорить с будущим мужем. Все же тут ничего такого нет, и потом, все новобрачные привозили в Гленкирк собственных слуг.

Фланна словно окаменела и даже не протестовала, когда родственницы снимали с нее одежду и сажали в чан с горячей водой.

– Вам лучше начать с моих волос, – тихо сказала она Эгги, которая согласно кивнула.

– Мы уложим твои вещи, – вмешалась Уна, – хотя я сильно сомневаюсь, что они достаточно хороши для замка Гленкирк. Но ты же умеешь обращаться с иглой и вместе с Эгги сможешь сшить пару красивых платьев. Не думаю, что герцог окажется таким же скупым, как мой свекор. Попроси его, пока еще не успела ему надоесть. Он наверняка даст тебе ключи от кладовых, где лежат шелка, бархаты и всякие дорогие ткани.

– Мне от него ничего не нужно, – холодно обронила Фланна. – Он получил единственное, что мне хотелось иметь: Брей.

– Не будь душой! – резко оборвала Уна.

– Старик был должен взять пятьсот крон, – с противным смешком вставила Эйлис. – Только представьте: Пламенная Фланна – и вдруг герцогиня!

– Закрой рот, злобная ведьма! – рявкнула Уна. – Даже если бы старый Лохленн взял золото, неужели воображаешь, будто мы увидели бы хоть монету? И не мешает тебе помнить, что мой Олей – наследник старика. Твой Каллум – всего лишь второй сын! Земля оставлена Фланне матерью! Значит, и удача ее, а не наша, хотя я не меньше вашего удивлена, что свекор вдруг отказался от такого богатства. Стало быть, он горячо любил Мег Гордон, и она его любила, несмотря на разницу в возрасте.

В комнате сразу стало тихо. Уна была главой этой шумной семьи. Неуступчивая, не улыбкающая, суровая женщина, вспыльчивая и не терпевшая глупцов, обладала, однако, добрым сердцем. Никто, даже свекор, не мог сказать, что она хоть раз в жизни проявила беспричинную жестокость. Правда, она железной рукой правила женщинами Броуди и хозяйством, требуя беспрекословного подчинения и примерного поведения. И не дай Бог кому-то сказать хоть слово поперек! За преступлением следовало немедленное наказание, и Фланне, к которой она питала некоторую слабость, влетало не реже, чем другим.

Уна Броуди потеряла единственную дочь в том же зимнем поветрии, которое убило мать Фланны. И хотя у нее родилось еще четверо сыновей, эта малышка была радостью ее сердца. Она и сама заболела, и Мег Гордон, преданно ухаживавшая за ней и девочкой, заразилась сама и умерла. Фланна, хоть ничем не походила на покойную Мэри, была для Уны несчастной сироткой, оставшейся без матери. Уна же лишилась любимой дочери. И хотя на эту тему никогда не говорилось, но с тех пор Уна взяла ребенка себе, воспитывая по своему разумению, как считала нужным, ибо с Фланной всегда было нелегко справиться: Мег бессовестно ее баловала.

Сияющая чистотой Фланна выступила из дубового чана. Женщины накинули на нее полотенца, высушили волосы и расчесывали у огня, пока они не засверкали чистым золотом. Потом принесли белоснежную полотняную сорочку и обрядили невесту. На голову возложили маленький венок из вереска и нивяника. Такая одежда и распущенные волосы должны были символизировать невинность невесты, которая к тому же осталась босой.

– Пусть ты вытянулась почти так же, как твои па и братья, – заявила Уна, – зато у тебя личико твоей ма. Мег была настоящей красавицей, уж это точно. Вот и у тебя кожа чистая, глаза большие и рот словно созданный для поцелуев. Герцог не будет несчастлив с тобой! А теперь выслушай меня, Фланна! Когда придет время ложиться в постель с мужем, лежи спокойно и позволяй ему делать все, что он захочет. Когда он впервые войдет в тебя, будет немного больно, но все скоро пройдет. Потом, если он хорош в постели, ты можешь даже получить некоторое удовольствие, но если ничего не выйдет, солги, что ты на седьмом небе от восторга. Все они обожают считать себя несравненными любовниками, девочка, и не мешает оставлять их в этом убеждении. Тут нет ничего дурного.

– А мои братья – хорошие любовники? – дерзко спросила невесток Фланна, посмеиваясь над их смущением. Уна недовольно покачала головой. Фланна понимала, что у нее просто руки чешутся отвесить золовке оплеуху. Просто Уна не хотела показать другим, как раздражена. Эйлис, Пегги, Эйлин, Мона и Сорча залились краской.

– Веди себя прилично, сучонка! – велела Уна. – Хоть ты и будущая герцогиня, придержи язык! Олей еще ни разу не разочаровал меня в этом смысле, и я уверена, что и остальные братья от него не отстали. А теперь, девочка, закрой рот. Все на колени! Помолимся за счастье Фланны и за то, чтобы она через девять месяцев родила мужу здорового сыночка.

– Что за вздор! – фыркнула Фланна. – Я еще не привыкла к мысли о муже, а ты уже толкуешь о младенцах.

– Наследник упрочит твое положение, девочка, – со вздохом напомнила невестка. – И если не будешь дурой, Фланна Броуди, то как можно скорее подаришь мужу младенца.

Глава 3

Уна послала одну из женщин помоложе вниз, узнать, не пришел ли священник. Та вернулась запыхавшаяся, с известием, что святой отец уже ждет. Поэтому Фланну, без большой суматохи, проводили в зал и поставили перед преподобным мастером Форбсом, местным пресвитерианским проповедником.

Рядом встал Патрик Лесли. Он слегка удивился виду невесты, но вовремя вспомнил, что по старинному шотландскому обычаю невеста должна прийти к будущему мужу босой и в сорочке, что знаменовало не только добродетель, но и повиновение. Он едва не засмеялся, сильно подозревая, что последнее свойство напрочь отсутствует у Фланны, но это совершенно не важно – лишь бы за домом следила.

Священник откашлялся и начал церемонию бракосочетания. Патрик Лесли уверенно и громко произнес обеты, согласившись взять в жены Фланну Броуди. Когда же мастер Форбс спросил у Фланны, берет ли она герцога в мужа, чтобы любить, почитать, уважать и повиноваться, та, чуть поколебавшись, объявила:

– Я не люблю его. И не знаю. Он должен заслужить мое уважение. Я стану почитать его как моего господина, но не могу перед Богом обещать, что стану ему повиноваться, поскольку сама в этом не уверена.

Несчастный растерявшийся священник только глазами моргал, не понимая, что предпринять в столь неожиданных обстоятельствах. Лохленн Броуди задохнулся от гнева. Лицо налилось нездоровым багряным румянцем.

– Я принимаю условия леди, – вдруг объявил Патрик Лесли, прерывая неловкое молчание. – Кроме того, это справедливо, учитывая то, что мы впервые встретились всего несколько часов назад. Я ценю ее честность и искренность. Это говорит о чистоте ее души.

– Ладно, в таком случае объявляю вас мужем и женой! – с нескрываемым облегчением провозгласил преподобный Форбс.

– Будь ты еще в моей власти, отходил бы тебя палкой! – прошипел отец. – И советую твоему мужу сделать то же самое.

Впервые в жизни Фланна сохранила спокойствие и даже не огрызнулась.

– Ужин готов! – крикнула Уна, и все стали рассаживаться. К удивлению герцога, оказалось, что его тесть отнюдь не морит голодом домашних, как это можно было предположить, судя по его репутации. За свежевыловленной рыбой на ложе из кресс-салата последовали говяжий бок, только что поджаренный и истекающий соками, кроличье рагу в душистой коричневой подливке с луком-

пореем и морковью, утки с хрустящей корочкой, фаршированные хлебными крошками и яблоками, мягкий деревенский каравай, масло, небольшая головка сыра и лучший октябрьский эль, который когда-либо доводилось пить Патрику Лесли. Вина не было, но тем, у кого был более изысканный вкус, предлагался сидр.

Фланна, никогда не отличавшаяся отсутствием аппетита, вдруг обнаружила, что не может проглотить ни кусочка. До нее вдруг дошло, что близок час, когда ей придется лечь в постель с этим незнакомцем. Прожив на свете не так уж мало лет, она почти не знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной. Не знала и не особенно интересовалась. Подруг у нее не было, а весьма скудные обрывки знаний она получила от Уны, которая, естественно, не собиралась обсуждать подобные вещи с девицей. Несколько слов, брошенных ею перед свадьбой, еще больше смутили Фланну. Ей стало немного страшно. Похоже, она будет выглядеть полной дурой!

Патрик Лесли, украдкой наблюдая за новобрачной, заметил, что она почти не ест. Интересно, она в самом деле невинна? Старик клялся, что дочь нетронута, но с этими девицами с гор никогда не знаешь наверняка! А что, если она уже носит в чреве незаконного ребенка?

Но при очередном взгляде на Фланну его подозрения рассеялись. До сих пор ничто не указывало на то, что девчонка отличалась распущенностью. Нет, просто старый лис Броуди не упустил подвернувшейся возможности выдать дочь за герцога. Но так или иначе, лучше всего этой же ночью взять Фланну под крышей отцовского дома. Если она окажется недевственной, Патрик немедленно расторгнет брак, и Брей, в качестве пени за ложь и измену, останется у него.

Наконец слуги принялись убирать посуду. В зале появился волынщик. Мужчины Броуди поднимались по одному, по два, чтобы протанцевать перед столом. В воздухе висел синеватый дым от очага – вероятно, тяга была совсем никуда. И тут Патрик сообразил, что ни словом не обмолвился с Фланной после заключения брака. Правда, и она с ним не заговаривала. Он протянул невесте руку и поднялся из-за стола, увлекая ее за собой.

– Пойдемте, мадам, потанцуем, чтобы отпраздновать наш союз, – объявил он и повел ее на середину зала. Волынщик заиграл торжественный свадебный танец. Оказалось, что, несмотря на рост, невеста удивительно грациозна. Приподняв подол сорочки, она самозабвенно приседала и выступала мелкими шажками.

Патрик закружил ее, обнял за талию, и Фланна, откинув голову, взглянула на него.

«У нее серебристо-серые глаза».

До сих пор он этого не замечал. Патрик одобрительно улыбнулся, довольный ее искусством.

– Вы хорошо танцуете, мадам.

– Спасибо, милорд, – поблагодарила Фланна.

– Прекрасная пара! – прошептала мужу Уна Броуди. – Сегодня твоему папаше чертовски повезло. В жизни не думала, что ее удастся сбить с рук, да еще за герцога!

– Молись, чтобы он наградил ее ребенком и она поскорее родила здорового малыша, – вздохнул Олей. – Вряд ли его семья обрадуется, узнав об этом браке. Они наверняка искали ему невесту поблагороднее и побогаче. Ты права, Уна, на долю отца выпала невероятная удача, но дай Бог, чтобы и Фланна оказалась такой же везучей. Поверишь, мне отчего-то грустно за младшую сестренку. Герцог не знает ее и погнался за приданым. Надеюсь, он хотя бы будет к ней добр.

– Не кручинься о Фланне, – посоветовала Уна. – Она сильная девочка, и если захочет, чтобы герцог ее полюбил, так оно и будет. А вот беднягу Лесли я жалею. Он и понятия не имеет, до чего же она свирепа!

– Ничего, женушка, скоро узнает! – хмыкнул Олей Броуди.

Лохленн Броуди нагнулся к уху дочери и тихо приказал:

– Пора тебе покинуть зал, девочка. Скоро мы пришлем к тебе мужа. Благослови тебя Господь, Фланна. Твоя мать гордилась бы тобой.

Девушка поднялась и неожиданно для себя поцеловала его морщинистую щеку.

– Я знаю, ты сделал это, желая мне добра, папа. Может, когда-нибудь я смогу поблагодарить тебя. Или проклясть. Время покажет. Пусть меня никто не провожает. Я пойду одна. Сама справлюсь.

Отец кивнул и жестом велел невесткам оставаться на месте.

Фланна поспешила наверх, в маленькую спальню, и, к своему удивлению, еще в коридоре увидела два своих сундука, запертых и перевязанных. Комната оказалась почти пустой: все ее вещи исчезли. Кровать, чересчур узкая для двоих, была застлана свежим бельем. На столе стояли медный тазик и кувшин с прохладной водой. Рядом лежала чистая тряпочка. Фланна налила в тазик воды и, сполоснув лицо и руки, почистила зубы тряпочкой, прежде чем выплеснуть воду в окно. В коридоре слышались шаги, и она поспешно обернулась. Дверь открылась, и вошел герцог. Сердце девушки бешено заколотилось.

Патрик задвинул засов и шагнул к ней.

– Не нужно пугаться. Я не собираюсь пытаться вас, мадам. Весь вечер вы как-то странно молчали, хотя, видит Бог, еще утром вас нельзя было унять. – И, сев на край кровати, приказал: – Помогите мне снять сапоги.

– А что бы вы хотели услышать от меня, милорд? – поинтересовалась девушка, поворачиваясь к нему спиной и усаживаясь верхом на его ногу. За первым сапогом последовал второй, и Фланна снова встала перед мужем. – Не я добивалась союза между нашими семьями. Впрочем, и вы тоже. Вам был нужен Брей, и вы его получили. Я же – всего лишь нежеланный довесок.

– Мне, кроме того, требовалось как можно скорее жениться, – откровенно признался Патрик, расстегивая куртку и протягивая жене.

Фланна взяла куртку и аккуратно уложила на единственный стул.

– Но если бы такая возможность не представилась, ты не стал бы искать руки какой-то Броуди из Килликерна, не так ли?

– Сам не знаю. До того как уехать на юг, моя мать советовала мне жениться, но, честно говоря, я просто не знал ни одной девушки из хорошей семьи, ни в

округе, ни во всей Шотландии. Да и не ожидал унаследовать титул так скоро, ибо мой отец был в добром здравии. Но теперь, когда я стал герцогом, все ожидают, что я женюсь и произведу на свет наследников. Ты ничем не хуже других, девушка. И, как ты уже сказала, мне понадобился Брей.

– Значит, у тебя есть любовница? – допытывалась Фланна.

Патрик неожиданно расплылся в улыбке:

– А если да? Ты ревновала бы?

– Не льстите себе, милорд, – резко бросила она. – Я просто желаю знать, чего ожидать, когда приеду в Гленкирк.

– Я не чураюсь девушек, – признался он, – и признал всех своих бастардов: двух мальчишек и крохотную малышку, но их ма были для меня всего лишь минутным развлечением. Все же я забочусь о своих детях и стараюсь, чтобы они ни в чем не нуждались. Но я никогда не содержал любовницы, ни в Гленкирке, ни в каком ином месте.

Фланна кивнула.

– Но что должна делать герцогиня? Я почти не образованна. Правда, хозяйство вести умею. Могу начертить свое имя, но утонченности от меня не ждите. Да и по-французски слова не знаю. Ни манер, ни этикета. Не хотелось бы опозорить вас, милорд.

Патрик Лесли, непонятно почему, был тронут искренностью Фланны. Что ж, у него простая и честная жена. Может, этот брак окажется не таким уж несчастливым.

Он встал и принялся расстегивать штаны.

– Гленкирк, разумеется, намного больше дома твоего отца, – начал он. – Со времени отъезда моей матушки домом некому заниматься. Раньше управителем был ее личный слуга, который появился в замке с тех пор, как она вышла замуж за батюшку, но она взяла с собой всех своих, преданных ей людей. Гленкирк

крайне нуждается в женской руке, мадам, и я буду весьма благодарен за помощь. Можешь выбрать себе слуг из наших людей, не считая, конечно, Эгги и Энгуса.

Он выступил из темных шерстяных штанов, сбросил подштанники и отдал ей. Притихшая Фланна аккуратно сложила одежду, украдкой поглядывая на его длинные ноги, торчавшие из-под длинной рубашки. Вязанные чулки доходили до самых колен. Патрик нагнулся, быстро скатал их и, отбросив пинком, снова выпрямился.

– Итак, мадам, можно начинать.

Фланна с трудом сглотнула.

– Я... я не знаю, что делать.

– Подойди ко мне, – мягко приказал он.

Фланна сделала два крошечных шажка.

– Скажи теперь, что ты знаешь или слышала о том, что происходит между мужем и женой?

– Почти ничего, – выдохнула она. – Правда, перед венчанием моя невестка велела мне лежать спокойно, когда ты войдешь в меня, и если окажешься искусным любовником, я тоже получу некоторое удовольствие. Только я так и не поняла, о чем она. Прости, мне очень жаль, что я такая неумеха. Не хочу сердить тебя, но что есть, то есть.

Теперь настала очередь Патрика громко проглотить слюну. Если верить Фланне, а по всей видимости, так оно и есть, она не только невинна, но и совершенно неопытна. Не то что многие девушки, хоть и сохранившие целомудрие, но уже успевшие пригубить напиток страсти. Да виданное ли это дело? И попадалась ли ему девственница? Кажется, нет.

– Ты позволяла какому-нибудь парню поцеловать тебя, Фланна? – спросил он. Слово «мадам» неожиданно показалось неуместным. – Или ласкать?

– Еще чего! – грубо выпалила она. – За кого вы меня принимаете, милорд? Я не какая-нибудь потаскушка, готовая в любую минуту нырнуть в темный уголок или разлечься на вереске с первым попавшимся!

Патрик кивнул:

– Я так и думал, девушка. Но сорванный поцелуй или ласка вовсе не преступление. Все же, если ты неопытна в науке любви, я должен учить тебя с самого начала. Твой отец требует, чтобы ты лишилась невинности еще к утру, иначе он не даст мне дарственную на Брей. До рассвета нам предстоит нелегкая работа.

– Опять Брей! – воскликнула она. – О, возьми его и оставь меня в покое! Я скорее умру девушкой!

Она повернулась к нему спиной. Патрик тихо засмеялся и, обняв ее за талию, привлек к себе. Не в силах сдержаться, он зарылся лицом в ее длинные золотисто-рыжие волосы, напоенные ароматом белого вереска.

– Нет-нет, девочка, – успокоил он, – это было бы самым ужасным.

Откинув с ее плеч массу локонов, он припал губами к нежному затылку. Какая мягкая кожа! Ей легко удастся возбудить его страсть, не говоря уже о том, что он ложился с женщинами и после более короткого знакомства.

Фланна задохнулась. Его рука нежно, но неумолимо притягивала ее к мускулистому телу. Теплое прикосновение его рта было одновременно пугающим и манящим.

– Ты в самом деле считаешь меня красивой? – застенчиво пробормотала она, когда обрела голос. Господи, да что это с ней, черт возьми? Жеманится, как деревенская дурочка!

– Да, – прошептал он, поворачивая ее к себе лицом. Фланна не успела оглянуться, как он приподнял ее подбородок и поцеловал в губы.

К собственному унижению, Фланна едва не потеряла сознание, ощутив прикосновение его рта. Ее сердце гулко билось, словно ударяясь о ребра. Каждый звук отдавался в ушах, голова кружилась. Ее шатало, словно тростинку на ветру.

И когда он поднял голову, она только и смогла, что слабо охнуть.

Патрик мгновенно подхватил ее. Фланна смущенно покраснела и спрятала голову у него на груди. Ее доверчивость очаровала его.

– По-моему, у тебя просто талант к поцелуям, Фланна, – улыбнулся он.

Немного придя в себя, она решила, что, как и Патрик, наслаждалась первым поцелуем. Она подняла глаза и дерзко выпалила:

– Мы этого не узнаем, пока не попробуем еще раз.

Ее руки обвили его шею, заставили нагнуться.

– Готов служить своей госпоже жене, – засмеялся Патрик, снова принимаясь ее целовать.

Она словно таяла в его объятиях, позволяя ему вести себя, на лету подхватывая все, чему он ее учил. Сначала их губы, как бабочки, легко порхали, соприкасаясь на лету, но вскоре характер поцелуя слегка изменился. Его рот стал более жестким, требовательным, и Фланна ощутила, как внизу живота сгущается нервное напряжение. Его пальцы крепко сжимали ее подбородок. Язык пробежал по пухлым губкам, и Фланна изумленно охнула, позволив его языку глубоко нырнуть в теплую влажную пещерку. Первым порывом девушки было отпрянуть, убежать, но Патрик не позволил, и горячий ищущий язык преследовал, ласкал, дразнил, вовлекая ее язык в медленный и чувственный танец. Фланна, не в силах совладать с собой, сдалась.

И тут же поняла, что он больше не держит ее. Она стала добровольной участницей этого таинственного действия, а его рука возилась с лентами сорочки. Фланна резко вскинула голову.

– Нет! – вскричала она, пытаясь его оттолкнуть.

– Сначала поцелуй, – глухо выдавил Патрик Лесли, – потом прикосновения, девочка. Доверься мне, Фланна. Я не причиню тебе боли, но не могу не дотронуться...

– Почему? – прошептала она. О Боже! Его рука скользнула в вырез сорочки и сжала грудь! Она вздрогнула.

– Потому что я не девственник, девочка, в отличие от тебя, и все же ты умудрилась разбудить во мне желание своими поцелуями. Я должен утолить его сейчас или возьму тебя, хотя ты еще не готова!

Фланна растерянно огляделась.

– Как быстро бьется твое сердечко, – пробормотал он и, нагнув голову, поцеловал розовый кончик.

– Оно забьется куда быстрее, если ты будешь и дальше продолжать...

О, как тепла его рука, и ее грудь как раз умещается в этой широкой ладони. Когда он поцеловал ее сосок, Фланну словно молнией пронзило, а крохотный бугорок сморщился и стал каменно-твердым.

– Женские груди созданы для ласк, – наставлял он.

– Но я еще не женщина, – поспешно возразила Фланна и, вцепившись в темные волосы, попыталась приподнять его голову, но Патрик только рассмеялся.

– Не могу не соблазниться твоими обильными прелестями, девочка! – сообщил он. – Ты просто восхитительна.

– Но мы не знаем друг друга, – запротестовала она. – До сегодняшнего дня я в глаза тебя не видела! Я послала в тебя стрелы только затем, чтобы прогнать. Не думала, что к вечеру мы станем мужем и женой.

– Я тоже, Фланна, но теперь мы обвенчаны, и я не могу придумать лучшего способа узнать друг друга, кроме как лечь в одну постель. Многие девушки становились женами едва знакомых людей и отнюдь не были несчастны в браке. Я буду хорошим мужем тебе, девочка.

– Я вообще не собиралась выходить замуж, – призналась Фланна.

– Но все изменилось. Ты моя жена, – повторил Патрик, прижав ее к себе.

Неожиданно ей стало легче. Одна рука обнимала ее, вторая ласкала шелковистые волосы. Под ее ухом мерно билось его сердце. Стук! Стук! Стук...

Слегка отстранившись, она развязала ворот его полотняной рубашки, смело поцеловала широкую грудь, оказавшуюся гладкой и теплой, дерзко коснулась соска кончиком языка и, не в силах совладать с собой, лизнула. Как она могла додуматься до такого?!

Патрик стоял смирно, не шевелясь под ее ласками, очарованный такой отвагой. Но она тут же испугалась такого, по ее мнению, бесстыдства и сконфуженно прижалась горячей щекой к его плечу.

– Мне было приятно, девочка, – сказал он, пытаясь ободрить ее, – но настала пора снять остальную одежду. – И прежде чем она успела отскочить, он снял с нее сорочку и уронил на пол. – Твоя очередь, – велел он.

– Я никогда не видела голого мужчину, – охнула она.

– Надеюсь, ты не разочаруешься, – ответил Патрик, когда она стянула с него рубашку.

Фланна зажмурилась, забыв о необходимости дышать. Патрик Лесли прикусил губу, чтобы сдержать угрожающий вырваться смешок. Наконец Фланна медленно приоткрыла один глаз, потом другой и судорожно втянула в себя воздух, старательно разглядывая при этом его нос. Патрик осторожно обнял ее.

– Тебе нравится мой нос? – поддел он.

– Ч-что?! – обрела голос Фланна, несмотря на то что стояла совершенно голой перед нагим мужчиной. – Твой нос?

– Ты не сводишь с него глаз.

– Просто не знаю, куда еще смотреть, милорд, – выпалила она.

И тут Патрик, не выдержав, залился смехом.

– Что тут смешного? – обиделась Фланна, пытаясь отстраниться, но он не дал.

– Ах, милая, я всего лишь поражен, что ты настолько застенчива, – объяснил он. – Девочка, которая стреляла в меня из лука, а потом набросилась с кинжалом, оказалась скромной и невинной. И это меня удивляет и чарует.

Он навил на палец густой локон, восхищаясь его мягкостью, и поднес к губам.

– Плотская любовь между мужчиной и женщиной – вполне естественная вещь, и каждая неопытная девушка должна положиться на жениха, которому предстоит впервые овладеть ею. Не будь твой па так настойчив в своем требовании осуществить брак именно сегодня, я дал бы тебе время привыкнуть ко мне, но он ничего не желает слушать. Боится, что я оставлю тебя девственной и потребую аннулировать брак под тем предлогом, что между нами не было супружеских отношений. Если бы это случилось, закон позволил бы мне оставить у себя Брей.

Фланна встревоженно вскинула голову. Патрик легко провел ладонью по ее щеке и продолжал:

– Я никогда бы не сделал ничего подобного, Фланна. Ни я, ни мои родичи никогда не совершали бесчестного поступка. Верно, я взял тебя из-за приданого, но так поступает любой мужчина. Я богатый человек и не нуждаюсь ни в золоте, ни в скоте, но мне понадобился Брей. Чем больше у меня земель, тем лучше защищен мой клан. Даже если бы мне предложили руку королевской дочери, я бы отказался, потому что без Брея она мне ни к чему. Понимаешь, девочка?

Он провел по ее скуле костяшками пальцев.

– Значит, я дурочка, если хочу, чтобы меня желали ради меня самой, а не ради земель, милорд? – тихо спросила она.

Патрик покачал головой:

– Нет, Фланна, ты не глупа. Моя мать ослушалась приказа короля Якова и не пожелала выйти замуж за моего отца, потому что не любила его и не знала, подойдут ли они друг другу. Отцу пришлось долго ухаживать за ней, чтобы доказать свои чувства.

– Значит, он завоевал ее сердце, милорд? – не выдержала Фланна.

– Да. И она была так предана ему, что не вынесла жизни в Гленкирке после его гибели под Данбаром.

Помолчав немного, Фланна спросила:

– Как по-твоему, мы тоже полюбим друг друга?

Такого вопроса Патрик не ожидал. Любовь, по его мнению, была чувством непростым. Многогранным. Сладким и горьким одновременно. Он всегда боялся любви, но только сейчас это осознал. И хотя прекрасно понимал страсть, вожделение, похоть, сладострастие, но любовь?..

– Не знаю, Фланна, – честно ответил он, – но ты теперь моя жена. Я стану почитать и уважать тебя. Иного пока обещать не могу. Время покажет.

Девушка кивнула, благодарная за чистосердечие и прямоту ответа. Это больше, чем многие мужчины, включая отца и братьев, были готовы ей дать.

– Что ж, милорд, придется нам выполнить требование моего отца. Но что вы со мной сделаете? Вспомните, я совсем невежественна, и извиняюсь за свое незнание. Но жена моего брата считала, что девушкам и не пристало разбираться в такого рода вещах, пока они не лягут в брачную постель. Правда, девушкам обычно бывает известно, с кем они пойдут в церковь. Иногда они даже обнимаются со своими нареченными в темных уголках, но мне не нужен был ни один мужчина. Я хотела лишь свободы.

– Я не собираюсь делать тебя рабыней, девочка, – покачал головой Патрик. – Содержи дом в чистоте, дай мне наследников, не опозорь мое имя – и большего я не потребую. Когда познакомишься с моими родственницами, сама увидишь, что все они женщины независимые и гордые. И пусть мы еще не любим друг друга, моя Фланна, но я научу тебя страсти и наслаждению, и пока этого для нас достаточно.

Он вдруг поднял ее, уложил на постель и сам лег рядом. Фланна невольно отметила, насколько его ноги длиннее.

Она изо всех сил старалась держаться спокойно, но не смогла скрыть ужаса, сотрясавшего ее тело. Смесь противоречивых эмоций обуревала ее. Страх. Любопытство. Возбуждение. Она так и не рассмотрела его тело и теперь приподнялась на локте. Ее взгляд медленно скользил сверху вниз. Он наблюдал за ней из-под полуприкрытых век, опасаясь смутить или унижить ее.

Широкие плечи. Мускулистая грудь, слегка поросшая темным пушком. Плоский твердый живот...

Фланна невольно протянула руку, чтобы его коснуться. Пальцы встретили упругое тепло.

До чего у него мощные бедра и щиколотки! Такой не просидит весь день у огня! Он наверняка много времени проводит в седле. А ноги! Она никогда не видела таких больших и узких ступней. Не то что у отца и братьев – широкие и разлапистые.

Она провела ладонью по темным жестким завиткам, покрывавшим нижнюю часть его живота, из которых поднималось его мужское достоинство.

– Это твоя мужская принадлежность? – смело спросила она.

– Да, – кивнул он, задохнувшись от возбуждения. – Ты должна с ним обращаться осторожно, девочка.

– Она не слишком велика, – заметила Фланна.

– Вырастет, когда нальется похотью, – заверил он спокойно, хотя самолюбие отчего-то было задето. Правда, малышка не подозревает, что произойдет, если его мужская плоть восстанет во всей своей красе. А когда увидит, скорее всего ужаснется.

– Но как мне пробудить твою похоть? – выпалила она.

– Вот так! – воскликнул он, неожиданно привстав и подминая ее под себя. Его рот обжег ее губы глубоким поцелуем. К его удивлению, ее язык сплелся с его языком в нежной ласке. Гибкая фигурка словно впечаталась в его тело.

– Не бойся, Фланна, – прошептал он в ее губы.

– Я не боюсь, – солгала она, хотя сердце куда-то покатилося.

– У тебя такие сладкие грудки, – прошептал он, лаская упругие холмики. – Как спелые яблочки в середине осени.

Он снова стал целовать ее соски, лизать, медленно обводя языком каждый, пока они не превратились в тугие бутоны, словно цветы, тронутые заморозком. И когда она уже не могла сдержать крика, его губы сомкнулись на соске и он стал посасывать чувствительную плоть.

– О-о-о, Иисусе! – охнула она. Что-то будоражащее, чему не было названия, сосредоточилось между бедер. Однако он продолжал втягивать ее сосок в рот, не подозревая, что творит с ее девственным телом.

– О, прекратите, милорд, молю, – тихо попросила она, но Патрик, казалось, не слышал.

– Сладко, сладко, – бормотал он, поднимая голову и накрывая губами другой сосок, облизывая его, пока внутри у Фланны снова не полыхнуло пламя.

Она приоткрыла затуманенные глаза. В животе все горело, свивалось узлами под натиском незнакомых ощущений. Она робко коснулась его черных волос, мягких и очень густых, изящного изгиба шеи, и Патрик глубоко вздохнул, поднимая голову, чтобы взглянуть в серебристо-серые глаза.

– Ты начинаешь привлекать мое внимание, девочка, – слегка улыбнулся он.

– Именно это ты называешь плотской любовью? – спросила она, краснея.

– Это только начало, – повторил он, снова опуская голову и проводя языком по ложбинке между налитыми грудями. Кровь Христова, она великолепна! Его плоть уже затвердела, но девственной жене требовалось больше времени... так что придется потерпеть. Если взять ее грубо, не заботясь о ее чувствах, она его возненавидит. А Патрик этого не желает: ведь им жить вместе, пока не придет смерть. Фланна и без того расстроена из-за Брея.

Он снова принялся ее целовать: губы, лицо, веки, стройную шею, груди, ямку пупка.

Фланна будто расцветала под его поцелуями, хотя втайне мечтала, чтобы он снова насладился ее грудями, набухшими от ласк. Соски покалывало почти до боли.

Однако она испуганно подскочила, когда он стал гладить ее сомкнутые бедра. Случайно глянув вниз, она увидела, каким огромным стало его мужское копье, и удивленно раскрыла рот. Длинные пальцы продолжали ласкать ее, нежно проводя по бедрам сверху вниз и обратно. Ее ноги сами собой немного раздвинулись, и она вздрогнула от предвкушения.

Патрик Лесли неторопливо раздвинул губы в улыбке. Пусть она неопытна, но храбра!

Он провел по ее венерину холмику, покрытому золотистым кружевом волос чуть более темного оттенка, чем на голове. Подавшись вперед, он стал с новой энергией целовать и гладить ее. Пухлые створки сомкнутой раковины приоткрылись, и он смог проникнуть внутрь пальцем. Она уже повлажнела в своем невинном возбуждении. Его палец скользил все глубже между складками теплой, сочившейся соками плоти. Фланна ахнула, но он быстро отвлек ее нежными словами.

Фланна задыхалась. Он пробуждал в ней чувства, о существовании которых она не подозревала. И сейчас она была подобна кипящему на огне котлу. В голове теснилось множество вопросов, но она почему-то понимала, что сейчас для них

нет времени. А ведь она должна, должна знать! Его палец дерзко трогал самое интимное ее место, и Фланне казалось, что она сейчас лишится чувств. Но вместо этого застонала, жадно глотая воздух. Его палец совсем погрузился в нее!

– Что ты делаешь?! – всхлипнула она, наконец начиная пугаться.

– Все хорошо, ягненочек, – попытался он ее ободрить. – Мне нужно знать, насколько туга твоя девственная перегородка. Не хотелось бы причинять тебе боль без нужды.

Он поцеловал ее в губы, чтобы отвлечь, одновременно пытаясь найти то, что искал.

И когда нашел, нахмурился, ибо худшие его страхи подтвердились. Стоило чуть прижать палец к барьеру ее целомудрия, как Фланна поморщилась от боли. А он-то думал, что ее легко раскупорить, поскольку она много ездила верхом, а это растягивает перегородку.

«О Боже, что сейчас будет? – думала Фланна. – Хочу ли я этого? Но какая разница? Он все равно возьмет меня, чтобы получить Брей!»

Она не сознавала, что плачет и из уголков глаз катятся слезы. Он придавил ее к перине и не выпустит.

Фланна задрожала и отвернула голову, кусая губы, чтобы не зарыдать вслух. Но Патрик все равно заметил, и это почти лишило его решимости. Он не зверь и не грубое животное, привыкшее брать женщин без раздумья и против их воли. Страсть приносит наслаждение, и он хотел подарить ей это наслаждение.

– Фланна, девочка, – позвал он, присев на корточки, – не бойся меня. Открой глаза и скажи, что тебя тревожит! Не хочу, чтобы ты страшилась моих объятий!

Фланна повернула голову и, тяжело дыша, взглянула на него.

– Это все не имеет значения, милорд. Ничто не имеет значения. Я никогда не думала, что выйду замуж, но не хочу, чтобы это было просто так... зря... Ах, я

несу вздор, но...

И она с новой силой начала всхлипывать.

– Ах, Фланна, моя неукротимая женушка, – мягко начал Патрик Лесли, – все это не просто так! Ты и не подозреваешь, как я ценю и дорожу тем даром, который ты собираешься мне принести! Всю жизнь ты бережно хранила свое сокровище, и для меня большая честь быть единственным его обладателем. Ни одна невеста не может принести мужу, будь он пастух или король, дар более ценный, чем девственность. И все это не просто так и не зря, Фланна Лесли.

– А Брей? – не выдержала она.

– Брей – всего лишь приданое, – пояснил Патрик.

– Но ты желаешь его больше, чем меня, – упрямилась Фланна. – И если бы отец согласился продать, ты просто заплатил бы и уехал, не заботясь обо мне.

– Верно, – согласился он, – но я жаждал его настолько, что взял в придачу и тебя, а оказалось, что ты готова дать мне награду, которая дороже всего золота мира.

– Правда? – прошептала она, тронутая его словами.

– Я хочу тебя, Фланна Лесли, – прошептал он, наклоняясь, чтобы прикусить мочку ее уха. – Хочу соединить мое тело с твоим и подарить нам обоим наслаждение. Такое, которого ты еще не знала.

Кончик языка обвел розовую раковинку ее уха.

– Ты хитрее лиса, а твоя речь так же гладка, как воды озера, – отпарировала она, набравшись храбрости. По спине пробежал озноб предвкушения.

– Мы останемся, пока дело не будет сделано, – сказал он. – Неужели ты собираешься провести здесь остаток жизни? Ты полюбишь Гленкирк, обещаю, и, кроме того, освободишься от своего па и братьев.

– А ты позволишь обставить замок по своему вкусу, чтобы он стал мне настоящим дом? – дерзко спросила она.

В ответ раздался тихий смешок.

– И после этого, мадам, вы называете хитрецом меня? Хорошо, можете рыться в моих сундуках, сколько пожелаете. Я не пожалею расходов, – кивнул Патрик. Его плоть была крепче камня, и если он не окунет ее в горячий бархат нежных ножен, неминуемо взорвется.

– В таком случае поцелуйте меня, милорд, чтобы скрепить клятву, – попросила она, обвив руками его шею и прижимаясь полными грудями к его груди. – Я постараюсь не бояться, но и вы будьте со мной помягче.

Их губы встретились в головокружительном поцелуе. Он целовал ее все яростнее, пытаясь отвлечь от того, что должно было произойти, и раздвигая коленом ее ноги. Оба задыхались: он – от желания, она – от волнения. И несмотря на все усилия Патрика, Фланна насторожилась, когда его копье медленно вошло в нее, заполняя, растягивая. Уна велела ей лежать спокойно, но она ничего не могла с собой поделать. Ее неопытное тело пробовало подстроиться под ритм его движений, и когда он замер, она раскрыла недоумевающие глаза.

– Что-то не так?

– Будет больно, – предупредил он. И прежде, чем она успела опомниться, отстранился и с силой рванулся вперед. Фланна вскрикнула. В голове зазвенели слова Уны. Она тоже говорила о боли, но добавила, что это всего лишь секундное ощущение и сразу проходит.

Но ничего не проходило. Она громко застонала, когда он опять вонзился в нее, но на этот раз сумел прорвать тот барьер, который мешал его наслаждению. Жгучая боль отдалась в ее груди, мешая вдохнуть. Бедра налились свинцовой тяжестью. Но Патрик лежал на ней не шевелясь, и постепенно Фланне стало легче.

– Ты храбрая девочка, – шепнул он, приподнимаясь. Фланна оцепенела, готовясь к новым мучениям, но, к ее удивлению и облегчению, все обошлось. Теперь она

чувствовала только тяжелые толчки и, захваченная мерным ритмом, стала двигаться вместе с ним. Через минуту-другую странный жар наполнил ее тело такой медовой сладостью, что Фланна, не в силах справиться со своими ощущениями, тихо всхлипнула:

– О-о-о, как прекрасно!

Патрик застонал так громко, что Фланна испугалась. Неужели он что-то повредил себе? Но стон больше не повторился. Патрик замер, застыл на мгновение и обмяк, сотрясаемый непонятной дрожью. Она почувствовала, как твердая плоть, наполнившая ее, словно размякла, и тихо вскрикнула, жалея о потере. Она оказалась права: боль сопровождалась некоторым удовольствием.

Патрик молча отстранился и лег на спину. Фланна лежала рядом, тихо плача, и он, потрясенный тем алчным сладострастием, которое ей удалось в нем пробудить, сжал жену в объятиях.

– Тише, ягненок, тише, все прошло. Ты была отважной девочкой и дала мне огромное наслаждение. Но и получила тоже, ибо сама сказала об этом, – приговаривал он, глядя ее шелковистые волосы. – Не нужно грустить. Больше я не причиню тебе боли, Фланна Лесли. А сейчас спи.

Он поцеловал ее макушку, и на душе у Фланны стало на удивление спокойно. Как глупо с ее стороны плакать и рыдать, подобно тем слабым женщинам, которых она всегда презирала! А вот теперь уютно устроилась в его объятиях, с наслаждением вдыхая его мужской запах.

Она закрыла глаза и мирно уснула. Патрик улыбнулся, почувствовав, как она расслабилась и задышала ровнее. Он женился на ней из-за приданого, но, может, эта сделка принесет ему гораздо больше, чем предполагалось.

Лохленн Броуди, все это время подслушивавший под дверь, торжествующе улыбнулся.

– Готово! – шепнул он старшему сыну. – Теперь он не сможет от нее отказаться.

Глава 4

– Леди! Леди!

Ее настойчиво дергали за руку. Фланна медленно выплывала из сна, который никак не хотел ее отпустить.

– Леди! – заклинал голос Эгги.

– Что тебе? – с трудом выговорила Фланна, так и не подняв век и глубже зарываясь в перину.

– Ваш муж говорит, что пора вставать. Он хочет уехать как можно быстрее. Буря собирается и обещает быть жестокой. Мы с Энгусом уже собрались и ждем только вас. Старик требует простыню, госпожа!

Ее муж. Ее муж?!

События вчерашнего дня с новой силой обрушились на нее.

– Принеси горячей воды, – велела она, садясь и прикрываясь одеялом, чтобы скрыть наготу.

– Уже принесла, – откликнулась Эгги, – и приготовила вам чистую одежду.

Фланна поднялась. И Эгги смущенно покраснела. До сих пор она не видела свою хозяйку обнаженной. Не обращая на нее внимания, Фланна раздраженно бросила:

– Отнеси простыню моему отцу и передай, что брак осуществлен и для развода нет оснований. Потом принеси мне поесть. Я не желаю спускаться в зал и терпеть грязные шуточки и насмешки моих чертовых родственников. Я выйду из этой комнаты только для того, чтобы покинуть Килликерн. Попроси моего господина позавтракать, пока я буду собираться.

Глаза служанки широко раскрылись при виде большого пятна подсохшей крови на простыне, но девушка молча кивнула и, захватив белую ткань, поспешила вниз. Фланна оглядела комнату. Ничто не говорило о присутствии Патрика Лесли, но он был здесь!

Фланна улыбнулась. Признаться, соитие – именно та сторона брака, которая ей наверняка больше всего понравится, особенно когда она научится ласкать его. Станный человек этот ее муж. Горд до надменности, но добр. Фланна понимала, что прошлой ночью он и в самом деле был добр с ней, ибо мог, не тратя лишних слов, толкнуть ее на спину и спокойно взять ее невинность. Но вместо этого пытался успокоить ее страхи и доставить удовольствие. Она благодарна ему и обязательно скажет об этом. Фланна не собиралась выходить замуж, но всего за один день ее судьба изменилась. Она стала супругой и женщиной. Однако Патрик обещал не превращать ее в рабыню, подобную женщинам семейства Броуди.

– Я должна стать хорошей женой, – тихо сказала она себе. – Эйлис права. Я умею вести хозяйство. В Гленкирке полно слуг, которые станут выполнять мои повеления.

Она взяла тряпочку, оставленную Эгги, наскоро вымыла лицо и руки, прополоскала рот и уже хотела одеться, как увидела пятна крови на бедрах. Почувствовав, что щекам стало жарко, она принялась старательно отмывать предательское свидетельство вчерашней ночи. Ее женское местечко вдруг засадило. Она протерла и его, с ужасом наблюдая, как вода в тазике становится коричневой.

Вытершись, она вынула вязаные чулки, зеленые шерстяные штаны, белую ситцевую рубашку и куртку из оленьей кожи. Натянула поношенные сапоги и подошла к столу, где Эгги оставила щетку. Энергично расчесала длинные волосы, заплела в одну толстую косу и, сунув щетку в карман, надела голубую шапочку. Вот и все.

Фланна в последний раз обошла маленькую спальню, где прожила большую часть жизни, и, не оглядываясь, вышла за порог. Эгги так и не принесла еду. Значит, отец желает видеть ее перед отъездом. Раздраженная, голодная, Фланна поспешила в зал.

Все как она и подозревала: семейка собралась за столом. Женщины ехидно ухмылялись, уверенные, что своевольную Фланну укротили. Мужчины отводили глаза, только отец наградил ее тяжелым оценивающим взглядом и кивнул дочери, показав на соседнее место. Фланна уселась, предоставив невесткам прислуживать ей. Вскоре на столе появились миски с овсяной кашей. Фланна потянулась к кувшину со сливками, налила немного в миску и молча принялась есть. Потом оторвала краюшку каравая и, запустив палец в масло, намазала на хлеб. Кто-то протянул ей наколотый на кончик кинжала кусок твердого желтого сыра. Фланна подняла голову и встретила глазами с мужем. Тот слегка улыбнулся, когда она взяла сыр и положила поверх масла. Ее кубок был полон. Она поднесла его к губам... Вино?! Обычно вино не подавали к завтраку.

Насытившись, она сложила руки на коленях и молчала, пока отец не соизволил заговорить.

– Молодец, девочка, – одобрительно кивнул он. – Твой муж говорит, что ты держалась храбро. Я отдал ему документы на право владения Бреем. Теперь он принадлежит ему, так же как и ты. Но ты всегда будешь здесь желанной гостьей.

Герцог поднялся и протянул новобрачной затянутую в перчатку руку.

– Гроза собирается. Нам нужно ехать.

– Знаю, – кивнула она и, наклонившись, поцеловала отца в щеку. – Прощай, па.

– Прощай, дочь моя. Твоя ма гордилась бы тем, что ты покидаешь родной дом герцогиней.

– Спасибо за гостеприимство, Лохленн Броуди. И за твою дочь, – с улыбкой поблагодарил Патрик.

Уже на пороге их перехватила Уна.

– С тобой все в порядке? – шепнула она.

Фланна остановилась и расцеловала невестку.

– Да. Ты была права: я получила удовольствие.

– Хорошо, – кивнула та. – Только помни, что я тебе сказала. Как можно скорее дай мужу наследника. Благослови тебя Господь, девочка.

Фланна улыбнулась и последовала за мужем.

– Она и в самом деле любит тебя, – мягко заметил герцог.

– Она хорошая женщина, – кивнула Фланна.

– Ты поедешь со мной, – велел он. – Когда доберемся до Гленкирка, у тебя будет собственная лошадь. Ты хорошая наездница?

– Конечно, – резко бросила она. – Пусть Броуди из Килликерна не так богаты, как вы, милорд, но мы не нищие.

И словно в подтверждение ее слов, Олей вышел из конюшни, ведя в поводу серую в яблоках кобылу с черными гривой и хвостом.

– Она твоя, – проворчал он. – Ты не уедешь из Килликерна без подобающего твоему титулу коня.

– Но ты вырастил ее для своей внучки Мойры, – запротестовала Фланна. – Это несправедливо!

– Мойре всего три. Слишком мала для такого прекрасного животного, как Глейс. Я объезжу для нее другую кобылку, а к тому времени она подрастет. Просто уж очень радовался, когда родилась моя первая внучка, вот и не знал, чем ее одарить. Глейс – мой свадебный подарок.

Он неожиданно улыбнулся, что случалось крайне редко. Фланна бросилась брату на шею.

– Я принимаю твой подарок и благодарю от всей души!

Олей разнял кольцо ее рук и хрипло пробормотал:

– Я помогу тебе сесть в седло, девочка.

Он сцепил широкие ладони и, когда сестра поставила на них ногу, осторожно подкинул ее в седло.

– Помни, у нее рот нежный. Не слишком дергай узду.

Новая герцогиня Гленкирк наклонилась и любовно потрепала холку Глейс.

– Мы обязательно подружимся, милая, – шепнула она.

– Надеюсь, ты не возражаешь? – спросил Олей, протягивая герцогу руку.

Патрик покачал головой:

– Нет. Она прекрасна.

– Лошадь или девушка? – серьезно осведомился Броуди.

– Обе, – ухмыльнулся герцог, вскочив в седло. – Фланна, держись рядом.

Они выехали на дорогу. Фланна обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на большой каменный дом, где она родилась. Утро выдалось очень холодным и безветренным. Сырость пробиралась сквозь одежду до самых костей. А ведь это только начало. До Гленкирка не менее дня пути!

Она поплотнее закуталась в тяжелый шерстяной плащ. Ее муж ничего не сказал, но она слышала, как за спиной переговариваются мужчины. Неловко пожившись, она постаралась сосредоточиться на окружающем пейзаже.

Над ними низко нависало серое небо. На холмах темнели деревья – вечнозеленые ели и сосны, клены с голыми ветвями, давно сбросившие листву. Копыта коней глухо стучали по ковру из мертвых листьев, отчего с земли поднимался слабый запах гнили. Собаки бежали впереди и время от времени

спугивали кролика или птицу, которых тут же убивали, чтобы пополнить запасы кладовых замка. К полудню, прежде чем остановиться на обед и отдых, они затравили марала.

Вскоре начало моросить. Легкий дождик сменился мокрым снегом, заметавшим дорогу. Герцог велел старшему егерю, Колину Мор-Лесли, ехать впереди и следить, чтобы они не сбились с дороги. Кобылка под Фланной оказалась надежной и спокойной и уверенно трусила по тропе. Фланне оставалось опустить поводья и ждать, куда Глейс ее вывезет.

– Еще час езды, – ободрил Патрик. – Я уже узнаю местность, несмотря на снег. Как ты, девочка?

– Хорошо, милорд, – кивнула Фланна, хотя так замерзла, что почти не чувствовала ног. Но ведь и ему холодно, так что жаловаться нет смысла. Все равно они не согреются, пока не окажутся под крышей замка.

– Молодец! – ободрил он и снова стал всматриваться в снежную мглу. Фланну обидело такое равнодушие. Словно она его собака или конь! Впрочем, почему он должен питать к ней какие-то чувства? Пусть он взял ее невинность, они почти не знают друг друга. Может, Уна права и ей следует поскорее родить ребенка? К тому же она тоже не питает к супругу никаких особенных чувств, ибо знает его не лучше, чем он ее. Правда, если ему вздумается развестись с ней на том основании, что семья не одобрит брака с какой-то Броуди из Килликерна, у Фланны ничего не останется. Отныне Брей принадлежит Гленкирку. Но вот мать нового наследника герцогского титула станет силой, с которой придется считаться.

Она никогда не думала о себе как о матери – впрочем, как и о жене. В другие времена у нее было бы только два пути: либо замуж, либо в монастырь. Теперь же остался только один, потому что гнусный обычай насильно запираť женщин в монастырях был уничтожен ковенантерами. Женщина могла пойти к алтарю или остаться старой девой. Правда, последние целиком зависели от братьев или отцов, если только не имели собственного богатства или земель. И тут Фланна с ужасом осознала: да ведь отныне у нее нет ничего, кроме того, что соизволит дать ей Патрик Лесли. Жалкое, униженное положение, которое совсем ей не по нраву, но что же поделать?!

Лошади упрямо шли вперед, сквозь снег и сумерки. Погода разыгралась не на шутку. Деревья и склоны холмов покрылись толстым белым одеялом. К счастью, ветра не было, и это немного облегчало путь.

Патрик не ошибся. Прошло еще не менее часа, прежде чем впереди вырос темный силуэт величественного здания с устремленными в небо башнями. Но как ни вглядывалась Фланна, пытаясь рассмотреть свой новый дом, снег шел слишком густо. Копыта коней приглушенно застучали по бревнам подъемного мостика. Всадники проехали под опускной решеткой во двор и натянули поводья.

Патрик Лесли легко соскользнул на землю и, подойдя к Фланне, поднял ее с седла. Но вместо того чтобы поставить на ноги, понес в замок.

– Добро пожаловать, мадам, – выдохнул он, переступив порог. Фланна растерянно огляделась.

– Где мы? – спросила она, потрясенно оглядывая шелковые знамена, свисавшие с потолочных балок, два огромных очага и висевшие над ними портреты.

– Это парадный зал замка Гленкирк. Вон тот джентльмен – мой тезка, первый граф Гленкирк. Служил Якову Четвертому, сделавшему его послом в герцогстве Сан-Лоренцо. Дама на втором портрете – леди Дженет Лесли, его дочь. Когда-нибудь я расскажу тебе ее историю. Подойдите к очагу, мадам, вам нужно согреться.

Фланна с радостью приняла приглашение и, сняв примерзшие к пальцам перчатки, протянула руки к огню.

– Какой огромный зал, милорд! Я еще нигде не бывала, кроме Килликерна. Зал Брея меньше раза в два.

– Ты бывала там? – поинтересовался Патрик, наливая в две оловянные чашки виски с запахом дымка, которое гнали в его поместьях. – Это согреет тебя.

– Бывала, – отозвалась Фланна, быстро глотнув виски. – Крыша немного протекает, но в остальном здание еще совсем крепкое, только пыли очень

много.

– Так оно и останется. Ибо у меня нет нужды в другом замке. Главное – земля, – ответил Патрик, осушив чашку.

– А мне нужен замок. Замок и остров, – сообщила Фланна.

– Зачем? – с любопытством спросил он.

– Потому что у меня нет ничего своего. Брей и его земли – вот вся моя собственность. Теперь они перешли к тебе, но ты сам сказал, что замок тебе ни к чему. Отдай его мне.

Патрик посчитал просьбу неуместной и уже хотел ответить отказом, но она снова заговорила:

– Ты не сделал мне свадебного подарка, господин. Я хочу замок Брей и немного денег, чтобы починить крышу. Твоя мать наверняка не пришла в этот дом такой нищей, как я.

– Нет. Моя мать родилась принцессой и была сказочно богата.

– А твоя бабушка?

Кэт Лесли, бабка со стороны отца, была поразительной женщиной.

Патрик с улыбкой вспомнил рассказ о рождении отца. Частью приданого бабки было небольшое владение, принадлежавшее ей, а не ее отцу и все же включенное в список приданого. Бабка так разозлилась, что отказалась выходить замуж за деда Патрика, пока ей не вернут ее собственность. Однако дед ухитрился сделать своей нареченной ребенка, решив, что в этом случае у нее не будет иного выхода, кроме как пойти к алтарю. Однако бабка вместо этого сбежала, угрожая, что ребенок родится бастардом, если ей не вернут ее имение. Деду потребовалось несколько месяцев, чтобы найти ее. Пришлось выполнить требование Кэт и жениться на ней за десять минут до появления на свет первенца. Бабка со стороны матери тоже была богата.

– Да, – кивнул герцог. – У обеих моих бабок было богатое приданое.

– В таком случае, милорд, вы поймете мое желание иметь свой маленький замок! Мои предшественницы пришли сюда с деньгами, драгоценностями, посудой, землями и сундуками тканей. Я же не принесла ничего, кроме Брея и той одежды, что на мне. Хотя мои платья были вполне уместны в Килликерне, все же сомневаюсь, что они подходят герцогине. Так позвольте же мне иметь хоть что-то свое.

Несмотря на умоляющий голос, глаза ее вызывающе блеснули. И Патрик вдруг понял, как трудно ей о чем-то просить. Она так же горда, как он, а замок для него ничего не значил. В отличие от нее.

– Можешь взять замок и починить крышу, чтобы он не разрушился окончательно. Но не более того. Делай с ним что хочешь. Я велю написать дарственную на твое имя. Храни ее.

Фланна метнулась к нему, повисла на шее и стала осыпать поцелуями.

– О, спасибо, милорд! Вы дали мне столько счастья! Обещаю, что не буду тратить деньги зря. Спасибо, спасибо...

Она хотела еще что-то сказать, но смущенно отпрянула и покраснела до корней волос. Боже, что это на нее нашло?!

Закусив губу, она стояла перед мужем, не зная, что делать, но Патрик Лесли лукаво ухмыльнулся:

– Вижу, Фланна, что ты не будешь мне дорого стоить. Замок достался мне даром. И ты поклялась экономить на всем, а ведь могла бы попросить у меня драгоценности и карету.

– К чему мне драгоценности? – простодушно удивилась она. – А кареты... они только для старушек. У меня есть резвая кобылка! Зряшная трата денег эти экипажи.

Патрик рассмеялся, припомнив великолепные кареты матери и бабки. Хотя обе женщины прекрасно ездили верхом, все же путешествовать старались со всеми удобствами. Но видно, жена его – женщина практичная, да они и не собираются далеко уезжать от Гленкирка. Так что экипаж им не понадобится.

– Вижу, ты не мотовка, – серьезно заметил он.

– А у вас много золота, милорд? – выпалила она.

– Много, но не стоит никому говорить об этом. Со временем, девочка, когда мы получше друг друга узнаем и я уверюсь, что смогу доверять тебе, расскажу подробнее.

– Вы можете доверять мне, милорд. Я теперь ваша жена и Лесли и буду предана вам и Гленкирку до конца жизни. Клянусь Богом.

Патрик, тронутый ее безыскусной речью, тепло улыбнулся. Эта шотландская горянка, на которой он так поспешно женился, возможно, куда более сложная натура, чем он считал.

– Думаю, что могу доверять тебе, Фланна. Но теперь не время и не место обсуждать такие дела. У тебя впереди много работы. Ты должна сделать замок уютным и гостеприимным. С тех пор как мать уехала и забрала с собой Адали, слугами некому управлять. Они совсем обленились без твердой руки. И ты должна стать этой рукой.

– А кто был... А... Адали? – с трудом выговорила она незнакомое имя.

Патрик усадил ее перед огнем и сел сам.

– Адали был слугой матери. Она выросла на его руках. Когда она приехала в Гленкирк, он стал ее мажордомом. После гибели моего отца матушка покинула Гленкирк и взяла с собой Адали и двух служанок, которые были рядом всю ее жизнь. Они не пожелали разлучаться и на этот раз. Адали управлял домом, следил за слугами, заботился о нас, покупал необходимые припасы, все, что мы не выращивали, не могли обменять или добыть охотой. Теперь все это твоя задача, Фланна. Герцогиня – это не только празднества и красивые платья.

Фланна потрясенно захлопала глазами.

– Я в жизни не была ни на одном празднестве, не говоря уже о красивых платьях! Что же касается хозяйства... я сделаю все, что смогу, хотя не имею ни малейшего понятия, как управляться с таким большим замком. Рано или поздно я выучусь, но вы должны быть со мной терпеливым. Это не Килликерн! Даже ваша матушка имеет собственных слуг. Но я не служанка. Я ваша жена.

– Девочка, я не хотел... У тебя будет столько слуг, сколько пожелаешь. Прости, если оскорбил тебя.

– Милорд, вы женились на мне из-за земли, – деловито начала Фланна. – Мы оба это понимаем. Я знаю свой долг. От меня требуется обиходить замок и как можно скорее дать вам наследника. К счастью, у меня есть Энгус. Он поможет на первых порах. Энгус приехал из Брея вместе с моей матушкой и еще помнит, как следует вести хозяйство в благородных семьях. Что же до второго, думаю, появление наследника зависит и от нас.

– Я не собирался... – начал он.

Но Фланна перебила:

– В каком месяце вы родились, милорд?

– В марте.

– И сколько лет вам будет в следующие именины?

– Тридцать пять, – немного подумав, ответил Патрик.

– Я родилась в августе, и в этом году мне исполнилось двадцать два, милорд. Сколько было вашей маме, когда она родила первенца?

Патрик опять задумался, на этот раз надолго. Все это было так давно... Его единокровная сестра Индия – самая старшая...

– Лет семнадцать. Да, точно семнадцать.

– А сколько детей у нее родилось к тому времени, когда ей исполнилось двадцать два? – продолжала допрашивать Фланна.

– Четверо, – ответил он, поняв, к чему она клонит. И все же Патрик еще не был уверен, что готов стать отцом. Он даже не был готов к браку, хотя уже успел жениться.

– Четверо! – протянула Фланна. – Четверо детей! Так что, милорд, у нас полно работы. А сколько у нее вообще ребятишек?

Патрик Лесли поежился.

– Девять, – пробормотал он, – но одна из сестер умерла, не дожив до года. Но пойми, Фланна, у моей матери было три мужа и любовник!

– Любовник?! – ахнула Фланна, не зная, то ли удивляться, то ли возмущаться.

– Принц Генрих Стюарт, тот, кто должен был взойти на трон после Якова, стал отцом моего единокровного брата Чарли, – пояснил герцог. – Но это случилось до того, как она вышла за моего отца.

– А что случилось с ним? – не выдержала Фланна.

– С кем?

– С бастардом. Бастардом вашей матушки.

Патрик Лесли разразился смехом. Он никогда не думал о Чарли Стюарте как о бастарде.

– Мой брат, Чарлз Фредерик Стюарт, герцог Ланди, никогда не считался незаконнорожденным. Хотя мы шутливо называем его Стюартом-с-другой-стороны-одеяла, он всегда считался просто одним из сыновей матушки. Старый король Яков и королева Анна горячо любили своего первого внука. К несчастью, его отец, принц Генрих, умер вскоре после рождения сына. Дядя Чарли, покойный король Карл, в честь которого назвали ребенка, тоже привечал его.

Одна из причин, по которым мать уехала в Англию, – стремление уберечь Чарли и не дать ему вмешаться в борьбу из-за религии и права помазанника Божьего. Чарли глубоко предан семье своего отца.

– Но он незаконный сын. Как же он может быть кем-то кроме бастарда! – настаивала Фланна.

– Девочка, – терпеливо объяснил герцог, – Стюарты всегда признавали своих детей, как побочных, так и рожденных в браке. Так было, когда они правили в Шотландии, так было, когда они заняли английский трон. Это дружная семья. В моих жилах, как и в жилах многих шотландцев, тоже течет их кровь.

– Не понимаю, – покачала головой Фланна, – но раз ты считаешь, что это справедливо, поверю тебе на слово.

Патрик снова рассмеялся.

– Ты голодна? – спросил он.

– Да, и не могу понять, почему стол до сих пор не накрыт, хотя хозяин уже больше часа как дома. Кого вы оставили на хозяйстве, милорд? – осведомилась она, вставая.

– С самого отъезда матушки у меня нет управителя.

Фланна вздохнула.

– Энгус, иди сюда, – позвала она, и из тени выступил настоящий гигант. На руках он держал громко мурлыкавшего Султана. Кот выгибал спинку и терся головкой о живот Энгуса.

– Он редко ластится к незнакомым людям, – удивился Патрик, – но я доверяю его суждениям.

– Поразительное животное, милорд, – отозвался Энгус. Хотя молодость его давно миновала, он был крепок, как дуб, и на голову выше окружающих. В черных волосах поблескивало серебро. Энгус зачесывал их назад и перевязывал

кожаным ремешком. Свою густую бороду, предмет немалого тщеславия, он старательно подстригал. И всегда носил килт Гордонов.

– Положи кота, – велела Фланна, – и узнай, почему на столе нет ужина. Прикажешь людям голодать после долгой поездки сквозь снег и ночь? Завтра мы вместе с тобой начнем приводить дом в порядок. Милорд, так замок мой?

Патрик понял, что она имела в виду.

– Да, мадам, – кивнул он.

Фланна повернулась к слуге:

– Отныне ты мажордом Гленкирка. Эгги, где моя спальня? Я хочу горячую ванну. Несмотря на виски и огонь, я все еще не согрелась.

– Здесь так много комнат, госпожа, не знаю, где искать, – пожаловалась Эгги, входя в зал с невысокой немолодой женщиной. – Она знает, только сказать не хочет!

– Значит, не успела ваша матушка уехать, как вы взяли манеру привозить в замок своих потаскух, милорд? – завопила женщина. Фланна заметила, что, несмотря на полноту и седые волосы, лицо ее было довольно моложавым.

– Это моя жена, Мэри, – пояснил герцог. – Я вчера женился на ней в доме ее отца, в Килликерне. Она твоя новая хозяйка, и относись к ней с почтением. Фланна, это Мэри Мор-Лесли.

– Тебе известно, каковы обязанности экономки? – строго спросила Фланна.

– Да, – бросила Мэри, критически оглядывая новую герцогиню. Неужели милорд не мог найти кого получше, чем эта простушка с гор?

– В таком случае будешь экономкой, если только Энгус не посчитает тебя неряхой. А теперь покажи мне мои покои, Мэри Мор-Лесли.

От своей невестки Уны Броуди Фланна усвоила, что прежде всего следует немедленно утвердить власть над слугами, иначе они сядут тебе на шею. И сейчас смотрела Мэри прямо в глаза. Та в конце концов отвела взгляд и смиренно пробормотала:

– Сюда, миледи. Мы не ожидали прибытия невесты, так что ничего не готово, но сегодня как-нибудь перебьемся, а завтра будет новый день, верно?

Герцог Гленкирк, онемев от изумления, наблюдал, как Мэри покорно ведет Фланну и Эгги наверх. А когда обернулся, увидел, что Энгус тоже исчез. Султан потерял о его ноги. Патрик сел у огня, и кот немедленно прыгнул ему на колени.

– Ну, Султан, что ты думаешь о своей новой хозяйке? Мне кажется, из нее выйдет прекрасная жена.

День. Он знал ее всего один день. Но уже понял, что она отважна и практична. Наслаждается его ласками. Кажется честной и верной. Что ж, неплохое начало супружеской жизни! Все же ему еще многое предстоит узнать о ней. Что ни говори, а женился он наспех и не подумав.

Патрик улыбнулся. Что сказала бы его мать об этой прямой, откровенной девушке не слишком высокого происхождения? Что подумали бы его братья и сестры? Один из них герцог, другой – маркиз. Чарли и Генри вели совершенно иную жизнь, хотя теперь, когда в Англии неспокойно, им тоже приходится нелегко. Правда, Генри научился гнуться, не ломаясь. Он сумеет выжить без всяких заметных потерь и убережет семью. Генри был на семь лет старше и, хотя хорошо относился к Патрику, не слишком обращал на него внимание. А вот Чарли – дело другое. Он был всего на три с половиной года старше Патрика и, следовательно, ближе к нему, чем к младшим, Адаму и Дункану. Что с ним будет в этой заварухе? Чарли всегда был предан семье своего отца. Женись принц Генрих Стюарт на его овдовевшей матери, в то время маркизе Уэстли, Чарли стал бы королем Англии после смерти старого Якова. Но Чарли не жалел об упущенных возможностях и был так же верен Стюартам, как если бы родился законным сыном. В горную Шотландию новости доходили медленно. Они даже о казни короля узнали только в конце весны. Где-то сейчас Чарли?

– Храни тебя Господь, братец, – прошептал Патрик.

– Милорд, – окликнул его Энгус. – Повар скоро приготовит ужин. Я с ним говорил. Впредь еда будет подаваться в одно и то же время. Никто не знал, когда вы вернетесь, отсюда и задержка. – Он низко поклонился Патрику и добавил: – Вы сами скажете ее светлости или меня пошлете?

Патрик поставил кота на пол и встал.

– Я сам скажу. Рад, что мой дом отныне в надежных руках. Спасибо.

Он пошел к выходу, а Энгус воспользовался моментом, чтобы передохнуть. Фланна сделала хорошую партию, несмотря на все усилия избежать обязанностей, налагаемых ее полом. Такая же неукротимая, как мать, хотя теперь только он помнит упрямую натуру Мегги Гордон. Лохленн Броуди был очарован ею с первого взгляда и находил ее своеволие забавным. Но старик сдержал обещание, данное умирающей жене, хотя трудно сказать, что было бы, не свались с неба герцог Гленкирк. Все же дело сделано. Теперь Фланна одновременно герцогиня и графиня!

Энгус знал о герцоге и его семье куда больше, чем предполагал Патрик Лесли. У них был общий дед, тоже Патрик. И как его тезка, наплодил бастардов по всей округе. Как-то ему приглянулась Брайд Форбс, бабка Энгуса по матери. В марте 1578 года девушка родила дочь Джесси, которая, в свою очередь, понравилась Эндрю Гордону, графу Брей. Она умерла два дня спустя после рождения сына, названного Энгусом в честь дальнего предка. Отец признал мальчика и воспитывал в замке Брей. Молодая графиня Брей, Анна Кит, появилась в замке, когда Энгусу было всего три года, а еще через четыре года родила единственного ребенка, дочь Маргарет. Она обращалась с бастардом мужа как с собственным сыном. К сожалению, он не смог унаследовать ни денег, ни титула. Все перешло к Маргарет.

Граф умер вскоре после того, как дочери исполнилось двенадцать, и Энгус взял на себя управление домом, защищая вдовствующую графиню и ее дитя от всех, кто пытался захватить Брей. Именно он первым заметил интерес Лохленна Броуди к Маргарет на летних играх в Инвернессе. Но Мегги отказывалась покинуть постоянно хворавшую мать. Только через два года, после смерти Анны, Мегги, по настоянию брата, приняла предложение Броуди из Килликерна.

– Наша кровь благороднее, – честно сказал Энгус сестре, – но твоя молодость проходит. Ему все равно, будут ли у тебя дети, ибо у него уже есть с полдюжины своих, от первой жены, Господь упокой ее душу. Он достаточно стар, чтобы быть твоим отцом, но влюблен в тебя. Любому дураку это ясно. Лучшего мужа тебе не найти, ибо хотя у нас есть Брей и земли, но нет ни денег, ни скота. Это хорошая партия, и он будет добр к тебе.

– А ты, Энгус? Я тебя не покину, – сказала Мегги старшему брату.

– Не многие за пределами Брея знают, что я бастард твоего отца. Мы можем сказать, что я твой личный слуга. Броуди позволит тебе взять меня, а всякий сразу поймет, что от меня немало пользы.

Вот так Мегги Гордон стала женой Лохленна Броуди, человека на тридцать пять лет себя старше, и, к ее удивлению, муж, несмотря на немалые годы, оказался неутомимым любовником. Кроме того, он обожал жену и делал все для ее счастья. Энгус Гордон тоже прижился в Килликерне, незаметно, но зорко приглядывая – сначала за сестрой, а потом и за ее ребенком. Никто не мог обвинить его в дармоедстве, ибо он сделался незаменимым в доме. На смертном одре мать призналась Фланне, что Энгус – ее единокровный брат и приходится девочке дядей. Фланна никому не выдала тайны.

Энгус Гордон осмотрел зал и обратил внимание на портреты над очагами, дорогую мебель и шпалеры, прекрасные шелковые знамена, свисавшие с потолочных балок, серебро и фарфоровые тарелки в буфете, свечи пчелиного воска в подсвечниках. В лампы было залито чистое душистое масло, а на столе стояли и вино и виски. Замок нуждался в тщательной уборке, но казался не слишком запущенным. Очевидно, здесь жили богатые люди, и его племянница действительно удачно вышла замуж.

Но теперь ей многому придется учиться. Мегги любила свое единственное дитя, но так и не успела научить ее управлять таким большим домом. Да и вряд ли думала, что Фланна поднимется так высоко. После кончины Мегги Уна честно старалась воспитывать девочку по своему разумению, но Фланна никогда не интересовалась домашними делами, и, кроме того, Килликерн не был так обширен, как Гленкирк. Племянница предпочитала ездить верхом и охотиться с рассвета до заката. Мегги научила дочь подписывать свое имя, но и только. Фланна не умела ни читать, ни писать. Да и кроме своего родного языка, не знала другого.

Энгус устало покачал головой. Племянница плохо подготовлена к своему новому положению. Что скажет герцог, когда об этом узнает? Предстоит столько дел! Конечно, с хозяйством он управится, но Фланне нужно получить образование, чтобы не опозорить мужа. Разве Энгус не слышал собственными ушами, что мать герцога была принцессой? Она наверняка умеет не только читать и писать, но и беседовать на многих языках. Фланна же говорила на смеси шотландского диалекта и плохого английского, понятного исключительно горцам.

В зал вошли слуги, чтобы установить высокий стол и принести еду. Энгус немедленно принялся отдавать распоряжения. Затем появились герцог и Фланна, и он проводил их к высокому столу, усадив племянницу по правую руку от мужа. Потом одним движением брови он велел слугам нести еду.

– Сегодня ужин у нас совсем простой, милорд, поскольку повар не был предупрежден. Завтра все будет по-другому.

– Я не привык к роскоши, – ответил Патрик, удивленно подняв брови при виде вареной форели, ростбифа, пирога с дичью, артишоков, хлеба, сыра и масла. – Поразительно обильный ужин, особенно если учесть, что повар не был предупрежден.

– Если вы довольны, милорд, я так и передам повару, – кивнул Энгус, ловко наливая вино и отступая. – К сожалению, на сладкое сегодня только грушевый пирог. Вина или эля, миледи?

– О, вина, конечно! – воскликнула Фланна. – В Килликерне нам подавали вино только в особых случаях. Теперь мы будем пить его каждый день, милорд?

Она жадно припала к чаше.

– Если вам угодно, мадам.

Фланна энергично закивала.

– Никогда не пробовала такого прекрасного вина! – воскликнула она. – Откуда оно?

– Из Франции, – пояснил он, забавляясь ее детской радостью. – У моей матери там родные.

– Значит, она француженка?

– Нет. Моя бабка, графиня Броккерт, с которой ты еще встретишься, была англичанкой. Дед – повелителем огромной восточной империи. Англичане называют ее Индией.

Фланна снова кивнула и, к облегчению Энгуса, не стала расспрашивать дальше. И слава Богу! Это только еще раз показало бы ее возмутительное невежество. Фланна знала только, что Англия находится к югу, а Ирландия – за морем, как раз напротив западного побережья Шотландии. Знала еще, что за проливом лежит Франция, но о существовании других стран не имела ни малейшего представления. Покойный граф Брей дал сыну образование, и Энгус два года провел в университете Эбердина. Он никогда не думал, что полученные знания ему пригодятся, но теперь придется припомнить все, чему его учили, чтобы спасти племянницу от неминуемой беды. Как только герцог Гленкирк получит наследника и пресытится прелестями жены, наверняка станет искать развлечений на стороне. И тогда Фланне понадобится немало хитрости и сообразительности, чтобы выжить. Роскошное тело – это далеко не все, что требуется для крепкого брака.

Глава 5

Фланна оглядела спальню, отныне принадлежащую ей. Какая красота! Какая роскошь! Только будет ли ей тут удобно? Она, не привыкшая к подобной обстановке, чувствует себя здесь чужой. Зато все так элегантно, так богато. На стенах чередуются панели с цветочным узором и виньетки из дерева теплого, золотистого оттенка. Потолок тоже расписной. Такого чуда Фланна до сегодняшнего дня не видела. Похоже на небо в один из прекрасных сентябрьских деньков, когда по голубому простору плывут белоснежные облака, окаймленные оранжево-золотистыми отсветами. Крылатые пухленькие детишки, пышные женщины и красавцы мужчины, чья нагота задрапирована прозрачной тканью. К величайшему смущению Фланны, оказалось, что кое-кто был и совсем голым. Залившись румянцем, она конфузливо отвела глаза. Когда Мэри привела

ее сюда перед ужином, она не успела как следует все рассмотреть – слишком была занята, таращась на столь же великолепную дневную комнату, расположенную между покоем ее и мужа. Кроме того, из одной спальни в другую можно было проникнуть через маленькую смежную дверь.

Но теперь она внимательно рассматривала каждый предмет обстановки. Изголовье гигантской дубовой кровати было затянуто полотном. Столбики, поддерживающие балдахин, украшали резные виноградные лозы. Такой же узор был на тяжелом деревянном балдахине. Подняв глаза, Фланна заметила, что внутренний его свод тоже разделен на панели и разрисован звездами, полумесяцами, цветами, птичками и животными. Взгляд Фланны привлекли постельные занавеси из бархата винного цвета. На постели лежало такое же покрывало с золотой каймой, а на окнах висели шторы того же цвета.

Сундуки, столы и стулья, с вышитыми спинками и сиденьями, тоже из золотистого дуба, были расставлены по всей комнате. Большие каменные гончие охраняли камин. На каминной доске стояли часы с боем из полированного дерева. На натертых деревянных полах лежали поразительно красивые шерстяные квадраты, которые Мэри называла турецкими коврами. Повсюду были расставлены серебряные подсвечники с восковыми свечами и серебряные лампы, в которых горело душистое масло. Фланна с раскрытым ртом глазела на такое чудо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bertris-smoll/raduga-zavtrashnego-dnya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)